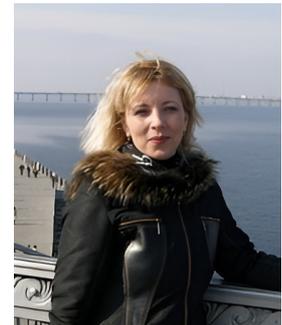

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

УРЮПИНА Марина Анатольевна
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А. К. Серова,
Краснодар, Российская Федерация
dma101@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3333-2808>

УДК/UDC: [398.81+784.66+784.71]:17.022.1:[341.79: 379.825](581+47+57)
ГРНТИ: 13.11.27
ВАК: 5.10.1.
<https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.001>

Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение

Аннотация. Автор анализирует песенное и поэтическое творчество советских военнослужащих – участников конфликта в Афганистане (1979–1989) с целью определить аксиологическую значимость лирики воинов-интернационалистов через исследование истоков, сущности, поэтики, ключевых архетипов и функций их творчества в различных аспектах. Корпус материалов составили работы отечественных философов, культурологов и литературоведов, дневники и электронные поэтические сборники участников конфликта. Определено, что ценностный аспект фронтовой лирики воинов-интернационалистов находит свое выражение в трех основных аспектах: этическом, этнополитическом и военно-профессиональном. Установлена устойчивая преемственность духовно-нравственных ориентиров, определяющих этос русского воинства. Автор заключает, что в «афганской» лирике находят отражение непрерывная связь между поколениями и базовые мировоззренческие принципы, формирующие национальную идентичность, традиционно свойственную русской культуре.

Ключевые слова: вооруженный конфликт в Афганистане, Афганская война, авторская песня, творчество воинов-интернационалистов, В. Верстаков, В. Гайлин, Ф. Бокарев.

© Урюпина М. А., 2025

*В бою за матушку-Россию,
Коль надо, голову сложу.
Служить Отчизне честь имею,
Поправшим совесть не служу*

Владимир Кошелев

Введение. Актуальность темы исследования определяется рядом факторов, среди которых главенствует идея о том, что реалии современного мира подводят общество к необходимости переосмысления подхода к культурной самобытности, национальной и гражданской идентичности. Эта необходимость была обоснована Президентом России В. В. Путиным в его речи на «Валдайском форуме» (2023), на встречах с историками, в обращении к гражданам России (февраль, 2024), а также в Указе № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [44]. В этих выступлениях и документах главой российского государства сделан акцент на необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей народа России, к которым относятся права человека, его достоинство, возможность служить Отечеству и другие ценности, являющиеся своеобразным ориентиром для граждан и передающиеся из поколения в поколение.

Кроме того, актуальность изучения проблем, связанных с гражданской идентичностью, обусловлена текущим геополитическим кризисом и необходимостью усиления значимости России на мировой арене. Динамично трансформирующийся международный ландшафт и усложнение системы отношений между ведущими мировыми державами придают данным исследованиям особую ценность. Актуальность исследования обусловлена в том числе необходимостью защиты национальных интересов в информационном пространстве путем противодействия развернутой против России пропагандистской кампании и гибридным угрозам, направленным на дестабилизацию внутреннего состояния страны.

В условиях роста общественного интереса к российской военной поэтической и песенной культуре философско-культурологическое изучение данной проблематики, выявление ее содержания с учетом новых реалий, будет

способствовать укреплению государственности и упреждению различных политических потрясений. Духовная самобытность военной лирики важна для общества, поскольку порождаемые ею смыслы побуждают к служению Отечеству, консолидируют нацию, несут заряд оптимизма и лирических эмоций, осознаваемых и разделяемых несколькими поколениями, способствуют предотвращению личностного распада, формированию чувства сопричастности историческому прошлому. Изучение военной лирики актуально также с точки зрения ее психологической и национально-патриотической роли в воспитании личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, в повышении авторитета армии, особенно в современных условиях.

Исследование творчества участников различных конфликтов имеет особое значение в современном мире. Абсолютно согласны с мнением Н. А. Лебедевой [32] о том, что необходимо изучать военно-патриотическое творчество для воспитания молодежи, в среде которой, по данным социологических опросов, на современном этапе в России обострилась проблема ценностных ориентаций. По мнению В. Л. Артемова, в настоящее время у молодых людей наблюдается тенденция к снижению «стремления к самосовершенствованию и самоактуализации, интереса к событиям в стране, к активной гражданственности», выявлено «пренебрежительное отношение к русскому, российскому, к историческим ценностям нашего народа, полное невежество относительно российской истории, культуры, литературы, всего, что является носителями ценностей русскости» [1, с. 451].

В России уровень научной разработанности проблем, связанных с культурологическим анализом фронтовой лирики, а именно «афганских» песен и стихов, весьма слаб, исследования носят фрагментарный характер. Имеющиеся работы можно разделить на группы по нескольким критериям.

Прежде всего, необходимо выделить публикации, посвященные общему анализу военной песни XX в., в которых «афганская» лирика рассматривается как один из ее элементов. К таким исследованиям относятся труды Н. А. Колесниковой [30], рассматривающей военную песню как культурологический феномен с акцентом на выявление ее роли и значения в духовной жизни общества на различных этапах исторического развития. Феномен авторской песни, унаследовавший многие черты фольклорной традиции, становится предметом пристального анализа в трудах Е. Н. Хомутовой [72] и Л. П. Беленького [4], делающих акцент на выявлении элементов преемственности между этими двумя культурными явлениями. Однако «афганская» лирика для этих авторов не является центральным объектом исследования и рассматривается в контексте более широкой историко-литературной картины.

Вопросам роли военной песни в военно-патриотическом воспитании личного состава российской армии, в укреплении воинских традиций и увековечивании ратных подвигов посвящены исследования ряда авторов. В частности, вклад военной песни в формирование духовного мира военнослужащих и патриотическое воспитание молодежи рассматривается в работах С. В. Хмелевского [71], К. С. Чупракова [82], А. В. Луконина [41], Е. Ю. Ивановой и А. И. Игнатовой [26] и др. Анализ работ перечисленных авторов демонстрирует отчетливую тенденцию к усилению исследовательского интереса к феномену военной песни как части военно-патриотического дискурса. Данное явление, вероятно, связано с ее значимой ролью в формировании коллективной памяти и национальной идентичности. Военная песня, как показывает ряд исследований, выступает не только средством выражения чувств и переживаний, связанных с военной службой и боевыми действиями, но и важным инструментом идеологического воздействия и мобилизации.

Третью группу составляют работы, рассматривающие Афганскую войну преимущественно в контексте прозы и журналистики. О. Ю. Поляков и О. А. Полякова [48] сделали аналитический обзор репрезентации Афганской

войны в советской и постсоветской литературе. Фокус данного исследования сосредоточен на прозаических произведениях и публицистике российских и зарубежных авторов, что, однако, оставляет за рамками анализа поэтические тексты, посвященные изучаемой тематике. Н. Н. Осиповым [46] дана характеристика ведущих тем, проблем и образов «афганской» прозы в творчестве современного чувашского прозаика А. Хмыта.

Четвертая группа включает работы, непосредственно посвященные анализу поэтического и песенного творчества воинов-«афганцев». Это исследования П. И. Ткаченко [64] [65] [66], В. Н. Морозова [42], А. В. Звонова [24], Т. А. Пономаревой [49] и А. А. Зорькина [25]. Часть представленных работ, преимущественно биографического характера, создана непосредственными участниками и свидетелями Афганской войны, среди которых следует выделить авторов-исполнителей, таких как Е. В. Бунтов [10] и В. Г. Верстаков [14]. Большую часть исследований составляют работы молодых ученых, аспирантов и студентов.

Значительный вклад в изучение творчества участников Афганской войны сделал В. А. Липатов [34] [35] [36] [37]. Благодаря его усилиям была сформирована коллекция, состоящая примерно из 2 000 записей «афганских» песен. Она хранится в фольклорном архиве Уральского государственного университета. Объектом изучения были сборники песен, опубликованные в разные периоды, компакт-диски, пластинки фирмы «Мелодия», личные встречи с участниками событий 1979–1989 гг., их записные книжки. В. А. Липатов в рамках своей классификации разделил песенники на две отчетливые группы, основываясь на доминирующих функциях, которые они выполняют. Первая группа включает сборники, ориентированные на социальную функцию. Для них характерны лаконичное оформление и отсутствие строгой систематизации содержания, что отражает их предназначение для широкого и свободного использования в социуме. Вторая группа представлена песенниками, отличающимися особым графическим и каллиграфическим исполнением. Содержание таких сборников составляют тщательно подобранные произведения,

выполняющие мемориально-информативную функцию – сохранение памяти о событиях или личностях [34, с. 38–53]. В. А. Липатов считал, что после окончания Великой Отечественной войны «афганские» песни стали первой значительной волной в истории отечественного фольклора. Данное явление аккумулировало в себе элементы дореволюционных и советских фольклорных традиций, что свидетельствует о преемственности и трансформации культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов [36, с. 112].

Культурологический аспект рассматриваемого явления был исследован Н. А. Лебедевой [32]. Она подчеркивает, что творчество воинов-интернационалистов есть «...непревзойденное явление мировой культуры» [32, с. 5], а их самих называет творцами «истории отмеченного периода» [32, с. 5]. В монографии рассмотрены предпосылки формирования культурного наследия воинов-«афганцев», детально анализируется деятельность военных, сочетающих в себе талант художника и поэта, создавая тем самым синтез визуального и вербального выражения [32, с. 81–84].

Важное историографическое значение имеют работы Е. С. Сенявской. Созданная ею и соавторами программа рассчитана на участников всех вооруженных конфликтов XX в. На основе вопросника было проведено интервьюирование, в том числе ветеранов Афганской войны, чьи «воспоминания-интервью имеют особое значение, поскольку другие виды источников личного происхождения по этому периоду, во-первых, менее доступны (не успели отложиться в архивах), а во-вторых, не столь информативны и объективны, так как с самого начала эта война была “необъявленной”, “тайной”, и действовавшая на ней военная цензура оказалась более жесткой, чем даже в период Великой Отечественной» [58, с. 28]. Для решения задачи целенаправленного создания совокупности источников личного происхождения (воспоминаний), особым образом организованных для раскрытия конкретных, прежде всего, психологических проблем, авторским коллективом было проведено два вида историко-социологических исследований: глубокое интервью и анкетирование.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных работ, в российской науке комплексного анализа фронтовой лирики, посвященной Афганской войне, пока не представлено. Недостаточно изученными остаются вопросы генезиса, эволюции, жанровой системы и поэтики «афганских» песен и стихов. Отсутствует целостное представление о месте «афганской» лирики в контексте русской военно-патриотической песни и поэзии XX в.

Современные авторы уделяют некоторое внимание анализу военной лирики советских воинов в период военных конфликтов XX в. Среди этих исследователей специалисты из разных научных областей знания: психологи, филологи, политологи, историки, культурологи и др., но, к сожалению, попыток дать философско-культурологическую оценку феномену солдатской песни практически не было.

Цель исследования – выявить и обосновать аксиологическое значение лирики советских воинов-интернационалистов через анализ генезиса, содержательных доминант, художественных особенностей, ценностно значимых архетипов и социокультурных функций их песенного творчества как феномена самоописания, культурной памяти и неформальной духовности.

Объект исследования – эстетико-аксиологическое содержание традиций отечественной военной песенной и поэтической культуры. Предметом исследования выступает специфика ценностных доминант и архетипов в лирике советских воинов-интернационалистов как части отечественной военной песенной традиции.

Материалами исследования стали аутентичные сборники стихов и песен участников афганской кампании (главным образом бойцов 40-й общевойсковой армии (40-я ОА), входившей в состав ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан), публицистические произведения, опубликованные в печатных изданиях и сети Интернет, работы философов и культурологов.

Анализ и объяснение творчества воинов-интернационалистов осуществляется с позиции философско-культурологического

подхода, акцентирующего внимание на этико-аксиологическом содержании исследуемого контента.

Семиотический метод применялся для выявления глубинных смыслов и знаковых систем, лежащих в основе художественного творчества воинов-интернационалистов. Данный подход позволяет рассматривать песни и стихи не просто как личные переживания, но и как сложные семиотические структуры, отражающие коллективный опыт, ценностные ориентации и этические нормы. Использование семиотического анализа обусловлено тем, что Афганская война, представляющая собой сложный социокультурный феномен, оказала глубокое влияние на формирование мировоззрения солдат и офицеров. Их творчество, таким образом, становится носителем особого кода, расшифровка которого позволяет понять специфику восприятия войны, патриотизма, товарищества, долга и моральных дилемм. В качестве теоретической базы семиотического анализа были использованы работы ученых: Ю. М. Лотмана [40], Р. Барта [3], Ч. С. Пирса [47], Л. Д. Гудкова [20]. Ю. М. Лотман рассматривал культуру как знаковую систему, способную хранить и передавать информацию. Р. Барт исследовал, как знаки и символы формируют наше понимание мира, особенно в контексте мифов и литературы. Ч. С. Пирс разработал трехкомпонентную модель знака (представитель, объект, интерпретанта), которая позволяет анализировать структуру и функционирование знаковых систем. Л. Д. Гудков рассматривал культуру в качестве комплексной семиотической структуры, в которой социальные феномены, действия индивидов, художественные артефакты и иные объекты обретают специфические смыслы и подвергаются интерпретации в рамках установленных культурных кодов. В этой концепции акцент делается на символической обусловленности социальных процессов и необходимости учитывать контекстуальные факторы при анализе культурных явлений. Таким образом, семиотический метод позволил выявить глубинные смыслы, знаковые системы и ценностные ориентации, отраженные в творчестве воинов-«афганцев», и понять специфику их восприятия войны и мира.

Герменевтический метод, который представляет собой сложный многослойный процесс интерпретации художественных текстов, позволил «расшифровать» скрытый (межстрочный) смысл фронтовой солдатской поэзии и песни. Основанный на концепциях, разработанных такими философами, как Х.-Г. Гадамер [15] и П. Рикёр [51], данный методологический инструмент предлагает многогранный подход к интерпретации текста. Он включает в себя изучение контекста создания произведения, а также его восприятия читателями. Философ подчеркивает, что понимание текста невозможно без учета исторических, культурных и социальных факторов. П. Рикёр, в отличие от Х.-Г. Гадамера, считал, что необходимо больше уделять внимания объяснению, а не только пониманию, поскольку объяснение, как правило, предшествует более глубокому пониманию. Герменевтический анализ фронтовой солдатской поэзии и песни позволил выявить структурные и стилистические особенности литературных текстов, раскрыть глубокие психологические и эмоциональные слои, которые были закодированы в словах авторов.

С помощью эмпирического метода был проведен сбор и обзор песен и стихов воинов-«афганцев». Особое внимание уделялось локализации и атрибуции авторства, а также установлению контекста создания произведений. Типологический анализ и систематизация позволили выделить основные темы и мотивы, отражающие переживания, мировоззрение и систему ценностей воинов-«афганцев». Применялись элементы историко-системного анализа, направленные на установление связей между литературным творчеством и социально-политическим контекстом Афганской войны. Эмпирический характер проведенного исследования позволил констатировать наличие определенного корпуса текстов, созданных воинами-«афганцами», и интерпретировать их содержание в контексте исторической и культурной реальности.

Представленное исследование проводилось в трех основных аспектах: этическом, этнополитическом и военно-профессиональном. Этический аспект рассматривался с опорой на работы русских философов, в своем твор-

честве обращавшихся к высокому духовному идеалу русского человека, его способности к самоотверженности и жертве, особому пониманию своей роли в установлении мира и оказании помощи нуждающимся. В частности, работы В. С. Соловьева [59] [60], Н. А. Бердяева [5] [6], И. А. Ильина [27] и других, акцентирующие внимание на идеалах христианской любви, использованы для анализа нравственных мотивов, отраженных в творчестве воинов-«афганцев». Этнополитический аспект, содержание которого раскрыто в диалектике интернационального и патриотического, был рассмотрен через исследование отношения советских военнослужащих к местному населению Афганистана, а также через анализ роли национальных и этнических факторов в формировании их мировоззрения. Отмечена моральная стойкость советских военных в инокультурной среде и проявление ими сострадания к афганскому населению. Военно-профессиональный аспект исследования был направлен на анализ специфики военной службы в Афганистане, а также на оценку профессиональной подготовки и морально-психологической устойчивости советских военнослужащих.

В аспекте реализации цели исследования выявлены и обоснованы ценностные основания, архетипы, заключенные во фронтовой лирике воинов-«афганцев», интерпретированы песни и стихи как феномен самоописания, охарактеризованы механизм фиксации культурной памяти, проявления духовности и специфические ценностные ориентиры, определена роль исторического контекста и культурных особенностей эпохи в формировании коллективной памяти и духовности.

Научная значимость темы исследования обусловлена проблемой изучения базовых духовно-нравственных ценностей, заложенных в современном военном поэтическом и песенном творчестве, что связано с будущим страны, нуждающейся в гражданах с устойчивым мировоззрением. Философско-культурологическое изучение песенного и поэтического наследия воинов-«афганцев» позволяет осмыслить трансформацию ценностных ориентаций, экзистенциальных установок и социокультурных парадигм в период

военного противостояния. Данный корпус текстов выступает как квинтэссенция коллективного опыта участников вооруженного конфликта, их мировоззрения и психологического состояния, оказавших глубокое воздействие на сознание нескольких поколений. Изучение лирики «афганцев» позволяет расширить наше понимание сущности войны как социокультурного феномена и проникнуть в микромир человеческого опыта, чтобы изучить особенности трансформации индивидуального и коллективного сознания, а также процессы формирования новых смыслов и ценностей в военное время. Изучение рассматриваемых явлений способствует пониманию экзистенциальных вопросов, обнаружению скрытых механизмов психологической адаптации к травматическому опыту и формирования новых форм идентичности.

С аксиологической точки зрения анализ песенного и поэтического творчества «афганцев» предоставляет возможность для исследования эволюции ценностных ориентаций в переломные исторические эпохи, помогает проследить эти процессы на конкретных примерах, выявить основные этапы и факторы, определяющие переориентацию ценностных установок.

* * *

Песенное искусство, являющееся синтезом поэзии и музыки, представляет собой неотъемлемый элемент социального и культурного бытия человека. Обладая мировоззренческим потенциалом, песня способна оказывать определяющее воздействие на формирование мироощущения и ценностной ориентации личности. Психологическое воздействие песни обусловлено тесной связью музыкального ритма, мелодии и текста, создающих комплексный эмоциональный опыт, способный резонировать с глубинными потребностями и переживаниями человека, формируя тем самым его идентичность и мировоззрение.

Поэзия и музыка занимают особое место в системе эстетики Г. В. Гегеля. Они представляют собой вершины художественного выражения, наиболее полно реализующие идею абсолютного духа, и выступают в качестве наиболее развитых и освобожденных от материальной чувственности форм [18, с. 13–14].

Для Г. Гегеля искусство является одной из трех форм проявления абсолютного духа, наряду с религией и философией. Искусство в понимании философа есть чувственное воплощение идеи, попытка выразить истину в конкретной форме. Однако различные виды искусства обладают разной степенью способности к выражению идеи, что определяет их положение в гегелевской иерархии. Архитектура, скульптура и живопись, будучи зависимыми от материального носителя, ограничены в своей способности к идеализации. Поэзия и музыка, напротив, в большей степени освобождены от этих ограничений.

Г. В. Гегель утверждает, что поэзия является наиболее универсальным и развитым видом искусства, поскольку она способна выразить любую идею, любое чувство, любое состояние души посредством языка. Язык как средство выражения обладает максимальной гибкостью и способностью к абстрагированию, что позволяет поэзии преодолевать чувственные ограничения и свободно оперировать понятиями и идеями: «Из отдельных видов искусства главным образом поэзия... более всех других искусств способна выразить углубленную в себя внутреннюю жизнь, ее цели и события» [19, с. 267]. Поэзия способна охватывать все сферы человеческого опыта, от трагических переживаний до комических ситуаций, от философских размышлений до любовных признаний. Она может быть эпической, лирической или драматической, в зависимости от того, какой аспект человеческого бытия она стремится выразить.

Музыка достигает высоты благодаря своей нематериальной природе. В отличие от визуальных искусств, она не изображает конкретные объекты или события, но воздействует непосредственно на чувства и эмоции, выражая внутренние состояния души в чистой форме. «Музыка, – подчеркивает Г. В. Гегель, – способна выразить лишь стихию чувства и облакает высказанные сами по себе представления духа в мелодические звуки чувства» [19, с. 281]. Она способна вызывать у слушателя широкую гамму чувств, от радости и восторга до грусти и меланхолии, может быть возвышенной и трагической, комической и игривой. Г. В. Гегель особо отмечает спо-

собность музыки к выражению внутренней жизни человека, его переживаний и страстей. В этом отношении музыка, по мнению философа, превосходит даже поэзию, поскольку способна выразить то, что не поддается словесному описанию.

Важно отметить, что Г. В. Гегель не противопоставляет поэзию и музыку, а рассматривает их как взаимодополняющие формы искусства. Он признает, что поэзия может обогащаться музыкальностью, а музыка – поэтическим содержанием. Так, песня, объединяющая поэтический текст и музыкальную мелодию, представляет собой синтез двух видов искусства, усиливающих воздействие друг друга.

В настоящем исследовании поэтическое и песенное творчество воинов-«афганцев» мы будем рассматривать сквозь призму гегелевской эстетики как виды искусства, обладающие наибольшим потенциалом для репрезентации всего спектра эмоциональных переживаний, мировоззренческих установок и этических дилемм, с которыми сталкивались участники Афганской войны (1979–1989 гг.). Поэзия и песенное творчество, которое в силу своей синтетической природы объединяет вербальное и музыкальное начала, представляются наиболее адекватными средствами для передачи сложной, противоречивой картины афганского конфликта, отраженной в сознании его непосредственных участников.

Чтобы глубже раскрыть истоки фронтового творчества, которое трансформировалось в устойчивый фольклорный пласт, обратимся к архетипическим и культурно-историческим корням феномена авторской песни и стихов, который, воплотившись в творчестве воинов-интернационалистов, стал частью национальной культуры как в СССР, так и в современной России [62, с. 25]. Генеалогия авторской песни подчеркивает ее насыщенность народной мудростью. Она обязательно осмысленна, и эта глубокая осмысленность базируется на фундаменте народного вокального творчества.

Русский фольклор, сохраняющий в себе древние культурные пласты, создает и институционализирует определенную картину мира, знакомит слушателя с тем порядком жизни, который принят в традиционном

обществе. Это происходит через песни семейные, трудовые, обрядовые, военные, каждая из которых делится на подвиды – свадебные, похоронные и пр. Военные песни – солдатские, казачьи, кавалерийские – рассказывают о царских походах, походах донских казаков, военных стычках и засадах, раздумьях на привале.

В авторских песнях отражены не частные события, а вся история России, включающая трудовые будни и героические события, войну и победу, социальные трудности и протест против угнетения, порядок и жизненные перипетии, радость и горе.

Некоммерческий характер творчества воинов-«афганцев» отличает их от произведений, написанных профессиональными певцами и композиторами [8, с. 237–238]. Такое отличие обусловлено спецификой жизненного опыта, мировоззрения и целей авторов-военнослужащих, чьи произведения, как правило, не были предназначены для широкой аудитории и коммерческого успеха. Они создавались для самоосмысления и рефлексии, а также для тех, кто пережил схожий опыт. В отличие от профессиональных деятелей искусства, работавших в рамках официальной культуры, ограничивавшей выбор тем и средств художественного выражения, воины-«афганцы» творили, руководствуясь собственными представлениями о правде и справедливости. Так, среди военнослужащих 40-й ОА, были очень популярны песни Юрия Кирсанова, которого считают родоначальником «афганской» песни. Эту популярность можно объяснить словами Г.В. Гегеля, отмечавшего, что «каждая песня должна быть не столько изображением личности певца как такового, сколько чем-то общезначимым, что находит многообразный отклик в сердцах, нравится, пробуждает такое же настроение и чувство и переходит из уст в уста» [19, с. 524]. Виктор Верстаков, коллега Ю. Кирсанова, пишет, что его песни «...не относятся к вершинам песенного творчества всех времен и народов. Порой наивны их тексты, порой вторичны мелодии. Но лучше Кирсанова об Афганской войне уже никто не напишет, потому что превзойти его можно только в искусстве, а песни Юрия Кирсанова – это жизнь: лично его, наша с вами, нашей страны и Афганистана» [13, с. 7]. В этих

словах отражена суть фронтового творчества, его ценность и уникальность.

Отметим, что авторская песня, отражающая жизненные трудности и переживания, становится носителем существенной для личности информации. Эта информация не является информацией в собственном смысле этого слова: содержащееся в песенных текстах знание имеет характер переживания. Знание-переживание глубоко лично, душевно и задушевно – оно заставляет человека плакать и смеяться, радоваться и грустить, переживать потерю, утрату и таить в себе надежду на будущее в самой отчаянной и безвыходной ситуации. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что авторская песня по своей сути экзистенциальна, так как ее главные темы касаются смысла жизни, жизни и смерти, отчаяния, заброшенности и жизненного порыва, подвига. Н.А. Лебедева считает, что люди, посвятившие свою жизнь служению Родине, истинно любят свой народ и свою Отчизну, обладают особым внутренним миром и способны создавать уникальную, качественно новую и неповторимую культуру, выраженную в песнях, стихах, кино и пр. В их произведениях использование возвышенной лексики не только оправдано, но и органично, поскольку каждое слово является результатом глубокого личного переживания и осмысления [32, с. 5].

Творчество воинов-интернационалистов представляет собой не просто знание-переживание, запечатленное в художественной форме. Это нарратив, включающий личный опыт участия в вооруженных конфликтах в инокультурной среде, осмысленный сквозь призму нравственных ценностей и коллективной памяти. Художественное самовыражение участников локальных конфликтов за пределами Советского Союза восполнило дефицит духовного содержания, образовавшийся на фоне ограниченного освещения событий в официальных средствах массовой информации [36, с. 105]. Поскольку самодеятельное творчество воинов-«афганцев» не было подцензурным, то оно несло в себе значительный объем жизненной правды. В мирной советской действительности, когда к ветеранам Афганской войны обращались с просьбой по-

делиться воспоминаниями о событиях тех лет, нередко звучала рекомендация обратиться к аутентичным «афганским» песням как к непосредственному, искреннему и правдивому отражению пережитого, реалий войны.

История Российского государства полна трагических событий из-за необходимости отстаивать право своего народа на существование и независимость. В данной работе на примере песенного и поэтического творчества бойцов 40-й ОА проанализированы черты, свойственные менталитету народов, проживающих в России и объединенных не только одной территорией, но и верой в свою силу, главным стержнем которой является духовный потенциал. Этот феномен представляет собой устойчивую систему ценностей, формируемую общностью территории России и осознанием ее народом собственных возможностей. Сложившаяся система, определяемая как комплекс духовных оснований, представляется относительно независимой от политической конъюнктуры и социальных трансформаций. Она интерпретируется как стабильно существующий культурный феномен, сохраняющий свою структуру в экстремальных условиях. Содержание этого комплекса характеризуется значительным многообразием. В данной работе ограничимся его аксиологическим измерением, конкретное содержание которого представим в следующих аспектах.

Этический аспект нашел отражение в творчестве ведущих отечественных философов. Так, Н. А. Бердяев отмечал, что русский народ обладает сверхнациональным, всечеловеческим духом [5, с. 28]. Идея жертвенности, по мнению Ф. М. Достоевского, наполняет войну позитивным смыслом [23, с. 12].

Жертвенность и самопожертвование как конкретное проявление жертвенности, изначально укорененные в ритуальных практиках древних цивилизаций, в концепции жертвы и жертвоприношения в эпоху Нового Завета, трансформировались из области действия в сферу духовного. Жертва преобразилась в жертвенность – доселе не существовавшее интеллектуально-духовное состояние. Иисус Христос, Богочеловек, уже два тысячелетия служит эталоном универсальной любви и самопожертвования ради всего челове-

ства. Народы, принявшие христианство, в соответствии со своей волей и национальным пониманием смысла Божественной Жертвы, сформировали пути своей истории. Смирение и самоотречение Христа является центром христианской этики. К. В. Цеханская отмечает самое важное и существенное для русских: «Русь с самого начала выбрала путь, наиболее близкий идеалу евангельской жертвенности. Это путь осмысленно-волевого “самоумаления” этнической “самости” русских во имя других, не русских, не православных, но живущих рядом народов и племен. Представляется, что кенотипическое самоограничение, самоумаление русского этноса как жертва во имя общечеловеческого блага, имело форму дерзновенного подражания “самоумалению” вочеловечившегося Логоса» [74, с. 601]. Она подчеркивает, что «подобление Жертвенности Богочеловека, отдание всего себя Воли Творца, дерзновенное желание сострадать вместе со Христом – основополагающий идеал русской святости» [74, с. 602].

О жертвенности русского солдата пишет старшина А. Левин в стихотворении, посвященном кремлевскому выпускнику, кавалеру трех орденов Красной Звезды (один посмертно), начальнику разведки 191-го полка капитану Юрию Васильевичу Лукьянчикову:

*Он не вернулся с перевала –
В горах ждала его беда,
Он возле старого дувала
Ушел в бессмертье навсегда.
Он не покинул свою роту,
Хоть мог лететь домой, к родным,
Хоть честно выполнил работу,
Свой долг – и мог вернуться к ним.
Но он не слушался советов –
Он знал, что предстоит Панджшер
И что «бывалых» в роте нету,
А значит, будет много жертв...
Благодаря ему ребята
Ушли от страшного огня,
С ним вместе только три солдата
Погибли на исходе дня.
Он словно чувствовал, что роте
Экзамен страшный предстоял,
И в этом гибельном походе,
Сдержав огня девятый вал,
Дал верную команду, зная,*

*Что ею он спасет людей.
И, ребяташек прикрывая,
Остался в памяти моей [33].*

Герой приведенного отрывка имел законную возможность покинуть опасную зону, поэтому его жертва – не вынужденная, а добровольная. Кроме того, он осознанно отверг более безопасный путь, и его решение продиктовано не приказом, а внутренним чувством долга перед подчиненными.

Действия капитана Ю. В. Лукьянчикова были целенаправлены и рациональны («дал верную команду»), но при этом явились фатальными для него самого: он сознательно принес в жертву свою жизнь, сохранив жизни других. Его жертва – это акт высшего милосердия и заботы о более молодых и неопытных.

Значимым итогом этой жертвы стали не ордена, а вечная память товарища по оружию. Таким образом, стихотворение не просто рассказывает о героической гибели, а художественно воплощает саму суть жертвенности как добровольного, осознанного принесения самой высокой цены – жизни – во имя спасения жизни других и исполнения высшего долга.

Подвиг этого офицера воплощает архетипы «воина-спасителя», «героя» и «отца». Архетип «воина-спасителя» представляет собой фигуру, обладающую исключительными физическими и моральными качествами, защищающую невинных, борющуюся со злом и восстанавливающую справедливость. «Воин-спаситель» сочетает в себе атрибуты воина – силу, храбрость, умение владеть оружием – с моральным императивом спасения высших ценностей и служения им. Архетип «героя» характеризуется такими атрибутами, как храбрость, находчивость и способность к возрождению. «Герой» сталкивается с многочисленными испытаниями, требующими не только физической силы, но и моральной устойчивости. Архетип «отца», обнаруживающийся в обращении капитана «ребятишки» вместо «солдаты» или «бойцы», подчеркивает отеческую, защитную позицию по отношению к подчиненным, что является ключевым аспектом данного архетипа. Согласно К. Г. Юнгу, архетип «отца» представляет собой сложную символическую структуру, аккумулирующую в себе понятия власти, авторитета, защиты, закона

и порядка [86]. В рассматриваемом контексте проявление архетипа «отца» выражается в роли носителя знания и мудрости, способного предвидеть ход событий, а также в обеспечении защиты и поддержки личного состава.

Использованная при анализе стихотворного произведения концепция архетипов была разработана швейцарским ученым К. Г. Юнгом [84] [85] [86] [87]. Влияние коллективного бессознательного как своеобразного архива архетипических образов, аккумулирующих исторический опыт человечества, является значимым фактором в формировании индивидуума и генезисе социокультурных процессов. В периоды кризисов эти архетипы могут оказывать скрытое, но ощутимое влияние на поведенческие модели и процессы принятия решений как на уровне социума, так и на уровне элит, что способствует сохранению стабильности и порядка в условиях нестабильности. Коллективное бессознательное, по определению К. Г. Юнга, содержит информацию об общем эмоциональном прошлом предков, представляя собой обширный массив унаследованных данных. Философ писал, что бессознательное включает не только вытесненные содержания, но также весь психический материал, лежащий ниже порога сознания, «психические компоненты, которые оказались за порогом, включая сублиминальные ощущения-восприятия», компоненты, которые еще не достигли порога осознания, включая «зародыши будущих сознательных содержаний» [84, с. 147–148]. Важно отметить, что коллективное бессознательное не является результатом подавления или забывания, его нельзя восстановить с помощью психоаналитических методов. Эта природно-духовная реальность формировалась на протяжении длительного исторического периода и существует независимо от сознания. К. Г. Юнг описывает коллективное бессознательное как «доминирующий над всем осадок опыта предков, накопленного за бесчисленные миллионы лет, эхо доисторических явлений мира, к которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций» [87, с. 246].

Поскольку коллективное бессознательное является осадком мировых явлений, вы-

раженным в структуре мозга и симпатической нервной системы, оно представляет собой своего рода «вечный образ мира» [87, с. 247], противостоящий нашей текущей сознательной картине мира. Другими словами, это другой «зеркальный мир» [87, с. 247], обладающий особой энергией, независимой от сознания, способной оказывать сильное душевное воздействие, которое не проявляется полностью на поверхности, но оказывает мощное влияние изнутри, невидимое для тех, кто не критикует свою текущую картину мира и остается скрытым для самого себя. То, что мир имеет не только внешнее, но и внутреннее, и что он не только видим снаружи, но и постоянно влияет на нас из самой глубокой и, казалось бы, субъективной почвы души, является, по мнению К.Г. Юнга, научным фактом, который, несмотря на свою древнюю мудрость, заслуживает оценки как фактор, формирующий мировоззрение [87, с. 246–247]. Наследование происходит через «мнемические образы» [87, с. 56], то есть унаследованную память и физиологические механизмы мозга. «Подлинная история развития человеческого сознания, – считал ученый, – хранится не в научных книгах, а в психической организации каждого из нас» [85, с. 80–81].

Архетипы, по К.Г. Юнгу, «являются своеобразными когнитивными образцами... интуитивное схватывание архетипа предшествует действию, “спускает курок” инстинктивного поведения. <...> ...Архетип же является тенденцией к образованию таких представлений мотива, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы... архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом» [85, с. 8, 34]. Бессознательное, согласно представленной концепции, обладает способностью интуитивно постигать и обрабатывать информацию посредством архетипического разума. В отличие от сознательного мышления, архетипический разум осуществляет прогностическую функцию, что указывает на его способность предвидеть развитие событий на основе архетипических паттернов. Архетипы, в свою очередь, не являются пассивными структурами, а обладают собственной энергетикой,

оказывающей влияние на поведение и принятие решений.

Данный подход к пониманию бессознательного разума подразумевает наличие врожденных, универсальных моделей восприятия и реагирования, которые активируются в определенных ситуациях. Архетипы как первообразы структурируют бессознательное и определяют способы взаимодействия с миром. Использование архетипического разума позволяет индивиду предвидеть потенциальные исходы событий. Влияние архетипической энергии на поведение подчеркивает значимость бессознательных факторов в мотивации и принятии решений. Архетипы, таким образом, не только формируют восприятие, но и побуждают к действию, что имеет важные последствия для понимания человеческой психологии [85, с. 38–39]. Согласно К.Г. Юнгу, архетипы играют определяющую роль в человеческой жизни, оказывая значительное влияние на поведение и формирование психики индивида. Являясь носителями мощной психической энергии, они способны генерировать глубокий эмоциональный отклик, который, в свою очередь, определяет поведенческие паттерны. Участие архетипов в формировании психики заключается в их способности активизировать определенные аспекты личности, побуждать к определенным действиям и направлять развитие индивида. Они выступают в качестве «жизненных сил» [86, с. 205], обуславливающих мотивацию, ценности и стремления человека.

Развивая этическую перспективу, обратимся к философскому наследию В. С. Соловьева, который дифференцировал три принципиально различных модуса восприятия войны: как безусловное зло, как катализатор цивилизационных процессов и как акт нравственного героизма [60, с. 27, 98]. По мнению философа, подлинное достоинство человеческого существования обретается лишь в контексте подчинения индивидуальной жизни и деятельности императивам нравственного закона и их целеустремленной направленности к достижению безусловных нравственных идеалов [59, с. 3]. Афганская война, вопреки неоднозначным оценкам, может быть рассмотрена как арена проявления нравственного подвиг-

га, о котором писал воин-интернационалист М. Вдовин, подчеркивая самоотверженность и моральную стойкость советских солдат в условиях вооруженного конфликта. Следует подчеркнуть, что морально-этические императивы, а не только идеологические установки, служили движущей силой для многих военнослужащих, выполнявших свой интернациональный долг в условиях этой кампании.

*Вы шли, где война меж народами тлела,
И честно служили стране,
И кровь проливали за правое дело
На той «неизвестной» войне.
Теперь говорят, что война, мол, чужая,
Но воин присяге служил.
Ты верил, что миссия ваша святая,
Свободу афганцам носил [11].*

В отрывке из произведения М. Вдовина нашел свое стихотворное воплощение архетип «воина», с которым соседствует идея о высокой миссии, тесно связанной с понятиями долга, ответственности, самореализации. Такую миссию можно рассматривать как внутренний компас, направляющий индивида к определенной цели и определяющий его жизненный путь.

Оценка Афганской войны как морального подвига, несмотря на противоречивые геополитические контексты и трагические последствия, основывается на субъективном восприятии участников и их убежденности в справедливости целей. В русской культуре укоренилось восприятие войны как явления сакрального, требующего жертв, но при этом справедливого, масштабного, всенародного и потенциально победоносного. Обширные пространства и богатые природные ресурсы России, ее выгодное географическое положение и сухопутная доступность границ привлекали завоевателей на протяжении длительного времени. Жизненно важные территории приходилось отстаивать в борьбе с агрессорами. Внешняя уязвимость, страх перед угрозой и напряженное ожидание нападения сформировали в коллективном сознании концепцию справедливой оборонительной войны. Справедливость и сила, таким образом, ассоциируются с защитой родной земли и с помощью другим народам в их праве на свободу и мир (цель ввода советских войск в Афганистан –

стабилизация обстановки в этой стране и создание условий для ее мирного развития). Противник в русском сознании воспринимается как обреченный, лишенный правды. Война приобретает характер моральной победы, символизирующей торжество справедливости и добра.

Концепция оборонительной (справедливой) войны находит свое отражение в тезисе о мессианской роли России в мировой истории. Россия предстает как государство, призванное бороться с несправедливостью, злом, гордыней, жадностью и моральным разложением. Она не стремится к мировой гегемонии, а противостоит попыткам ее установления, часто жертвуя собой в качестве стража многополярного мира, хранителя подлинных ценностей [21, с. 166]. Солдаты, воины-интернационалисты, выполнявшие приказ, верили в необходимость защиты интересов страны и оказания помощи дружественному народу, что, согласно их моральным принципам, оправдывало риск и жертвы.

Русскому народу, по мнению Н. О. Лосского, присуща глубокая черта – «религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [39, с. 9], осуществляемое личностями без примеси зла и несовершенств согласно двум заповедям Иисуса Христа: люби Бога больше себя и ближнего, как себя. Таких людей философ называет Членами Царства Божия, они лишены эгоизма, а потому могут творить «лишь абсолютные ценности – нравственное добро, красоту, познание истины, блага неделимые и неистребимые, служащие всему миру», то есть блага одинаково ценные для всех [39, с. 9]. Н. О. Лосский предвидел, что падение большевистского режима приведет к росту религиозности в России. Так и случилось, но уже после афганских событий.

Стоит отметить, что бойцы 40-й ОА, будучи атеистами, являлись продолжателями традиций русского воинства, воспитанного на православных заповедях. Преподобный Ефрем Сирийский учил: «Будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными... Невозможно тебе спастись, если ты упражняешься в высшем любомудрии, но не заботишься о других,

погибающих... Не чуждайся сострадания потому, что сам далек от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен его несчастье считать общим» [57]. Хотя воины-«афганцы», в большинстве своем воспитанные в атеистическом ключе, скорее всего, не были знакомы с идеями преподобного Ефрема Сирина и других Отцов Церкви, но, являясь потомками воинов прошлого, поступали согласно заповеди «люби ближнего, как самого себя», более того, они ее применили в отношениях народов друг к другу – «люби все другие народы, как свой собственный» [39, с. 20]. Это нашло отражение в стихотворении воина-интернационалиста Ф. Бокарева:

*Помочь соседу бескорыстно
Всегда придет – лишь позови.
И добродетель эта присно
Из рода в род у нас в крови.
Народу нашему не внове
Оставить мирные труды,
Чтоб от друзей ценою крови
Отвезть пришествие беды* [7, с. 20].

В отрывке стихотворения Ф. Бокарева запечатлена квинтэссенция российской ментальности – помощь ближнему, взаимопомощь и жертвенность, укорененные в историческом сознании и социальной практике. Бескорыстие, готовность разделить тяготы и прийти на выручку в беде – это не просто моральный императив, а фундаментальная основа национальной идентичности.

Призыв прийти на помощь по первому зову, оставить мирные занятия ради защиты друзей – это архетипический образ, восходящий к героическим страницам отечественной истории. В данной связи можно вспомнить, к примеру, Ивана Сусанина, народное ополчение Минина и Пожарского в Смутное время или массовый героизм в годы Великой Отечественной войны. Эти примеры свидетельствуют о глубоко укорененной традиции жертвенности, самопожертвования ради Родины и общего блага.

Добродетель, передаваемая из поколения в поколение, становится неотъемлемой частью культурного кода нации. Она проявляется не только в экстремальных ситуациях, но и в повседневной жизни, в заботе о близких, в участии в жизни сообщества. Эта способ-

ность к эмпатии и состраданию, готовность разделить чужую боль – важный фактор социальной сплоченности и устойчивости общества, позволяющий ему выдерживать испытания и двигаться вперед. Бескорыстная помощь соседу – это вклад в будущее, в создание крепкого и справедливого общества, где каждый чувствует себя защищенным и нужным.

О самопожертвовании ради установления мира в Афганистане поэт С. Давидянц:

*По горам с тобой банды гоняли,
Чтобы там прекратилась война* [22].

В этих двух строках поэт изложил суть понимания советским офицером сложнейшей задачи, стоявшей перед ним в период Афганской войны. Автор не только упомянул боевые действия, но и показал стремление к установлению мира в регионе, погрязшем в многолетнем конфликте.

Личный опыт и переживания передал в своем стихотворении А. Левин, затронув глубинные аспекты психологического состояния советского солдата в условиях Афганской войны. Его произведение, избегая упрощенной героизации, акцентирует внимание на гуманистических принципах, проявляющихся даже в отношении к противнику, что согласуется с концепцией «справедливой войны» Фомы Аквинского [70]:

*Какая бедная страна!
Какие бедные все люди!
<...>
Остался ты, Афган, один
Со своим горем и несчастьем,
Вот так-то доверять другим
Свою судьбу, а также счастье.
Пойми меня, я не корю
И не смею над твоим горем...* [33].

Анализ произведения А. Левина демонстрирует эволюцию восприятия войны – от трагического опыта к осмыслению общечеловеческих ценностей, таких как милосердие и сострадание, являющихся доминирующими чертами русского воина. Поэт не выражает упреков или презрения по отношению к неприятелю, он сострадает ему, жалеет об испытаниях, выпавших на долю несчастного народа. Поэтическое наследие А. Левина представляет собой ценный исторический и психологический документ, позволяющий

глубже понять морально-этические аспекты участия советских войск в Афганской войне. Его произведения являются убедительным свидетельством того, что даже в условиях жесточайшего противостояния сохраняется возможность проявления человечности и стремления к взаимопониманию.

Аксиологическое измерение духовного потенциала отражается также в *этнополитическом аспекте*. Его содержание раскрывается в диалектике интернационального и патриотического. Суть первого состоит в том, что русский воин освобождает другие народы, руководствуясь отнюдь не прагматическими соображениями, он не требует ничего взамен для себя. Более того, этот интернационализм толерантен к иной культуре, религии, цивилизации. Н. А. Бердяев отмечал: «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [5, с. 28]. Интернационализм исторически присущ российскому народу и воинской традиции, поскольку обусловлен культурной и духовной интеграцией народов, получившей в отечественной религиозной философии наименование русской соборности. Ключевой характеристикой российского менталитета, согласно исследованиям, является «отталкивание от раздробленности, разорванности (будь то в мире, или в обществе, или в душе человека) и стремление к цельности, святости, единству» [31, с. 176]. Соборность формировала такое взаимопонимание в традиционном обществе, при котором личность ценилась не столько сама по себе, сколько в зависимости от ее отношения к социальному целому. Заметим здесь, что соборный (церковный) коллективизм не нивелировал, не обезличивал индивидуальность, напротив, только здесь индивид обретал свою самостоятельность, свободу для единения с такими же свободными людьми. Отсюда приоритет коллективного начала над индивидуальным, общинности над разобщенностью.

На протяжении многовековой истории Российского государства русские не ущемляли права других народов, оставляя за ними право сохранить свою уникальность, неповторимые черты, разговаривать на своем языке, соблю-

дать свои национальные традиции, обычаи, следовать своим религиозным верованиям [83, с. 69]. Скорее всего, это послужило основой той сплоченности, которая на долгие годы связала множество разных народов под общим флагом и гербом.

Данный тезис подтверждает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, объяснивший особую роль русского народа в становлении многонационального государства. Он отметил, что только народ, обладающий высокой степенью самоотдачи и жертвенности, был способен на создание такой обширной структуры, как Российская империя. Данный фактор обусловил полиэтничный состав правящей элиты, формировавшейся в условиях, когда доступ к высоким государственным должностям, таким как министерские и губернаторские посты, не ограничивался этнической или религиозной принадлежностью [56].

Эта черта, зачастую ассоциируемая с приверженностью принципам Православия, внешне проявляющаяся как уступчивость или отсутствие твердости, является следствием целенаправленного формирования в обществе установок толерантности и гостеприимства. Однако данное мировоззрение нередко ошибочно интерпретируется как проявление слабости [56].

Именно эта открытость, позволяющая представителям различных этносов и культур ощущать себя равноправными членами общества, стала фундаментом для формирования многонациональной империи. Следует понимать, что подобное отношение к окружающим – это не проявление слабости, а результат культивируемых Православием ценностей эмпатии и взаимоуважения, благодаря которым стало возможным сосуществование различных народов в рамках единого государства» [56].

В период 1970–1980-х гг. XX в. единство советского общества воспринималось как неоспоримое. Идеология достаточно четко устанавливала общенациональные цели и универсальную ценностную систему (понятия чести, долга), консолидирующую население СССР вокруг идеалов глобального мира. Афганская война стала реальным испытанием этого единства: далекие географические точ-

ки превратились в места общей скорби, а имена погибших солдат навсегда стали частью коллективной памяти. Это чувство общности, скрепленное жертвой, с особой силой отразилось и в поэтическом слове:

*Дороги на Кабул, Газни, Пандшер,
Где вдоль обочины простыеobeliski.
Вся география моей страны, поверь,
Все города вдруг стали близки.
Донецк, Тамбов, Орёл, а ниже имена.
Вы стали братьями родными,
Усыновила вас афганская земля,
Оставив вечно молодыми [73].*

Приведенный отрывок стихотворения В. Цаплина об интернациональном долге является синонимом скорби и констатацией общей безвозвратной потери. Афганская кампания Советского Союза, длившаяся 10 лет, унесла тысячи жизней. Каждыйobelisk на афганской земле – это зримое напоминание о трагедии, ставшей частью общей истории двух народов.

Прах уроженцев советских городов смешался с афганской землей, превратив чужую войну в личную трагедию. Память о погибших, запечатленная в скорбных надписях, становится предостережением о цене, которую приходится платить за политические просчеты. Эти дороги иobeliski напоминают о необходимости поиска мирных решений международных конфликтов, о ценности каждой человеческой жизни и об ответственности за последствия принимаемых решений.

В стихотворении В. Цаплина затронута тема гражданской идентичности, которая проявляется в осознании индивидуумом своей нерасторжимой связи с членами общества, объединенными общим языком, укоренившимися обычаями и культурным наследием, разделяющими общее историческое прошлое. Это чувство общности, основанное на коллективном опыте и культурных атрибутах, формирует основу для солидарности и принадлежности к определенной нации. Такое единство обеспечивается осознанным принятием «нравственно-правовых и ценностных норм государства и общества, которые фиксируются системой культурных значений: флаг, герб, гимн, памятники, герои, фольклор» [1, с. 454]. Сама возможность говорить о многовековой

истории Российского государства – полностью заслуга его народа, который за пределами нашей страны называют русским, но по факту – это союз многих национальностей, этнических групп и народностей, говорящих на разных языках и исповедующих различные религии, но считающих большую Россию своей Родиной. Очень точно эту особенность подчеркнул поэт Р.Г. Гамзатов: «В Дагестане я аварец, в России я дагестанец, а за границей я – русский» [цит. по: 17].

Патриотическая наполненность военной лирики воинов-интернационалистов отражает любовь русского человека к Отечеству, своей земле, к семье, непримиримость к любым формам зависимости национального суверенитета и критическое отношение к внешнему влиянию, рассматриваемым как потенциальная угроза национальным интересам и самостоятельности, свободолюбие, волю, отсутствие деспотизма, непримиримое противостояние злу, отстаивание принципов добра даже ценой собственной жизни.

Поэтическое и песенное наследие воинов-интернационалистов, участников афганского конфликта, неизменно обращается к мотиву Родины. «Родина, – писал С. Н. Булгаков, – есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется она чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением» [9, с. 364]. Н. В. Багичева и Т. А. Чикаева выделяют архетипы, лежащие, по их мнению, в основе образа Родины-матери («Мать-Сыра-Земля», «Матушка Русь», «Святая Русь»): «Содержание понятия “Родина” раскрывается в русском менталитете через категории материнства, родства, любви, заботы и святости. <...> Основной чертой данного архетипа является изначальная самодостаточность, Мать-Сыра-Земля рождает все живое, не обращаясь к мужскому началу» [2, с. 35]. Специфическое почитание материнства, считает О. В. Рябов, выражается в уникальном феномене духовной культуры России – концепции сакральной связи между страной и Божественной женственностью; данная идея наиболее отчетливо

проявляется в выражении «Россия – Дом Богородицы» [55, с. 114]. В. Н. Телия отмечает, что исходное культурное понятие «Родина» аккумулятировало в себе архетип матери, актуализация данного архетипа осуществляется для репрезентации свойства, подобного материнской заботе родины по отношению к ее детям. Родина как архетипическая «мать» формирует устойчивые языковые конструкции, в которых глаголы подчеркивают ее роль в становлении личности и общества. В частности, это проявляется в таких сочетаниях, как «родина вскормила, воспитала, вырастила», «родина дала» [63, с. 468].

В русском культурном коде понятие долга ребенка глубоко укоренено в идее почитания матери, что находит свое отражение в метафорическом образе Родины-матери. Этот архетип, восходящий к древним культам плодородия и матери-земли, пронизывает национальное самосознание и играет ключевую роль в формировании патриотических чувств. Концепция «Родины-матери» апеллирует к эмоциональной привязанности и чувству личной ответственности за благополучие страны, тем самым усиливая восприятие долга перед государством как морального императива. Подчеркивая справедливость этих идей, А. Ф. Лосев писал: «Благородный гражданин любит свою Родину... не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны... Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное; он с этим живет и с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам. Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рубища твои созерцаем как родные себе. И миллионы жизней готовы отдать за тебя, хотя бы ты была и в рубищах. Веления этой Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери-Родины неотвратимы. У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы только в ней, на ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок, засыпая в мягкой и теплой постельке...» [38, с. 426].

Высказывания воинов-интернационалистов о Родине лишены декларативности;

они проникнуты глубоко личным, выстраданным опытом.

Н. Кирженко подчеркивает искренность своей любви к Родине, парируя возможную попытку упрекнуть в «красном словце»:

*Чувство Родины своей мы обретаем
Не из догм замшелых и цитат [29].*

Для авторов-фронтовиков образ Родины неразрывно связан с первичными ценностями семьи и, прежде всего, матери:

*Летят домой, и мой там дом,
С кем я живу, о ком мечтаю!
Там Родина! И в направлении том
Весь жизни смысл считаю! [73].
Звезды в небе Афгана,
Над головою море огней!
Но снятся березы и милая мама,
Как за рекою поет соловей [73].*

Поэтические строки В. Цаплина, пронизанные ностальгией и любовью к Родине, которая ассоциируется у него с природой и матерью, представляют собой яркое отражение эмоционального состояния военнослужащих, исполнявших интернациональный долг в чужой стране.

В этих лаконичных зарисовках отчетливо прослеживается тоска по мирной жизни, семье и родным пейзажам. Контраст между суровой реальностью войны и идеализированным образом Родины усиливает эмоциональное воздействие стихотворений.

Феномен ностальгии как психологического состояния детально исследован многими учеными, в том числе С. Бойм [89], рассматривающей ее не только как тоску по прошлому, но и как способ осмысления настоящего и будущего [52, с. 258–259]. В контексте Афганской войны ностальгия становится мощным механизмом психологической защиты, позволяющим солдатам сохранять связь с мирной жизнью и не терять надежду на возвращение домой.

Воспоминания о доме, семье и родной природе служат источником моральной поддержки и помогают преодолевать тяготы военной службы. Образ Родины становится символом мира, стабильности и надежды, к которым стремится каждый солдат. Поэтические строки, наполненные ностальгией, приобретают глубокий философский смысл, раскры-

вая сущность человеческой природы и стремление к гармонии.

Все выраженные в поэзии и песнях воинов-интернационалистов идеи органично интегрируются в понятие «российский патриотизм», имеющее как личностный, так и общественный ракурсы. Первый – глубоко внутреннее, почти интимное чувство, неразрывно связанное с большим «мы», являющимся нравственным императивом личности: «только так, иначе не могу». А второй – это часть общественного сознания, это патриотизм масс, проявляющийся в отношении народа к самому себе, в тех чувствах, настроениях, оценках, которыми он характеризует историю своей страны, ее настоящее и будущее [61, с. 17].

Патриотизм по своей глубинной сути выступает основанием для удовлетворения потребности в обеспечении безопасности личности и социума. В его основе лежат два архетипических образа: Матери, олицетворяющей родную землю, и Отца, символизирующего государство [45, с. 108]. Значительную работу, связанную с исследованием понятий «Родина» и «Отечество», провела Т. А. Чикаева [75] [76] [77] [78] [79] [80] [81]. Главным результатом ее изысканий стал вывод о том, что понятия «Родина» и «Отечество» представляют собой два начала – соответственно женское и мужское. Отечество есть соединение творческой, духовной деятельности человека по преобразованию естественной природно-социальной среды, ее упорядочению и управлению, с Родиной, являющейся духовной ценностью, святыней, существующей объективно и выполняющей роль порождающего начала [75, с. 105–111]. Архетип «Отец», обладающий качествами, свойственными маскулинному гендеру – силой, организованностью, целеустремленностью, оформленностью, активностью, интеллектуальностью, рационализмом, – лежит в основе понимания сущности Отечества. Отечество при таком подходе представляется как мужское динамичное начало, оно играет «активную роль в жизненном устройстве и бытии общества и личности, является действующим фактором в вопросе сохранения и передачи ценностей и смыслов из поколения в поколение» [80, с. 14–16].

Исследуя военные стихи и песни, можно убедиться в истинности следующей идеи: сам русский народ является и продуктом своего Отечества («Дети русской мы земли» [43, с. 100]), и его творческим потенциалом, реализуемым, в том числе, в поэзии, сказках, прозе, песнях.

Как уже отмечалось, история России имеет многовековую традицию отстаивания государственного суверенитета. Можно с уверенностью заключить, что данный исторический контекст способствовал формированию в обществе глубокого сопротивления попыткам внешнего подчинения, потере культурной автономии и эрозии национального языка. Стихотворение В. Гайлина «Слово отца» актуализирует фундаментальные принципы российской воинской культуры, такие как: верность Отечеству, сознание долга, готовность к самопожертвованию, приверженность традициям и идея межпоколенческой связи.

*Сражаться насмерть за Отчизну –
Святое дело для мужчин.
Достойно справить павшим тризну
Хватало русичам причин.
Храня преемственность традиций,
Вставала Русь всегда стеной,
Когда незыблемость границы
Была нарушена войной.
И если колокол набатом
Зовет на бой священный рать,
Нет выше долга для солдата –
За честь и правду постоять!* [16].

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» отмечал, что истинный патриотизм проявляется не в словесных декларациях, а в готовности к самопожертвованию ради блага Отечества [67, с. 22, 208]. Этот тезис находит свое подтверждение в многочисленных примерах героизма, проявленного нашими предками в ходе исторических сражений. Защита родного Отечества – приоритетная задача русского воина. Готовность к самопожертвованию, укорененная в исторической памяти, трансформировалась в незыблемый моральный императив, определяющий отношение к воинскому долгу.

Обращение к историческому опыту подтверждает, что понятие «Отчизна» для русского воина всегда было связано не только

с территорией, но и с совокупностью духовных, культурных и нравственных ценностей. Защита этих ценностей являлась ключевым мотивирующим фактором, определяющим высокую боеспособность русской армии.

Строки стихотворения В. Гайлина отражают глубинный пласт национальной идентичности, в котором воинская доблесть, верность долгу и готовность к самопожертвованию во имя защиты Отчизны выступают не просто как отдельные элементы, а как органичное целое, формирующее мировоззрение русского воина. Это наследие, пронесенное сквозь века, продолжает оказывать влияние на формирование современной военной культуры и остается актуальным в контексте обеспечения национальной безопасности.

Этнополитический аспект духовного потенциала, отраженный в военной лирике воинов-интернационалистов, представляет собой сложный комплекс идей и ценностей. Он раскрывается в диалектическом единстве интернационального долга и патриотической любви к Родине, причем первое зачастую трансформируется в глубокое переживание трагизма геополитических процессов, а второе становится источником психологической устойчивости и нравственной опоры.

Воинская культура России, исторически формировавшаяся в условиях многонационального государства, характеризуется толерантностью к другим культурам и религиозным верованиям, что не исключает приоритета защиты национальных интересов и суверенитета. Проблема национальной идеи, «русской идеи» в России, прошедшая сложный путь эволюции, отражает стремление к самоидентификации и определению исторического предназначения. Философские поиски Н. А. Бердяева [6], И. А. Ильина [27], Г. П. Федотова [68], Л. П. Карсавина [28], Н. О. Лосского [39], Г. В. Флоровского [69] и др., при всем различии их подходов, объединены идеей духовного призвания русского народа, его особой роли в мировой истории и культуре, единого русского самосознания, направленного на реализацию высших духовных идеалов, связанных с развитием человеческой цивилизации. Данная концепция предполагает не просто этническое или политическое объединение,

а скорее духовно-культурную интеграцию, ориентированную на созидание, моральное совершенствование и вклад в общечеловеческий прогресс.

Песенно-поэтическое наследие воинов-интернационалистов является собой свидетельство неразрывной связи между личным опытом и общенациональной идентичностью. Но-стальгия по Родине, чувство долга, осознание исторической преемственности формируют тот духовно-нравственный фундамент, на котором строится патриотическое сознание российского воина. Стихи и песни, подобные тем, что создавались в период Афганской войны, продолжают служить напоминанием о цене, которую приходится платить за политические решения, о важности сохранения мира и согласия в многонациональном обществе. Эти произведения также акцентируют непреходящую ценность идеалов патриотизма и готовности к защите Отечества, что особенно актуально в условиях современных геополитических вызовов.

Военно-профессиональный аспект ценностного измерения поэтического наследия воинов-интернационалистов затрагивает такие тематические ракурсы, как верность долгу, дружбе и воинскому братству. Советский офицер Н. Кирженко, следуя лучшим ратным традициям своего народа, принимал судьбу Родины как свою, не подвергая сомнению приказ:

*И я иду в безмолвье ада,
Раз надо Родине, мне надо [29].*

И когда годы спустя начались огульные обвинения в адрес правительства СССР и Вооруженных сил в принятии ошибочных, политически неверных решений о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан, участники той войны не сомневались в своей честности и преданности присяге и Родине, о чем писал В. Гайлин:

*Откуда мы с тобой, братишка, знали:
Кто там был прав: Кармаль или Амин?
Но мы с тобой на совесть воевали,
Погибшим скажет батюшка «Аминь!».
Так отчего стыдиться нам медалей,
Что честно заработаны в бою?[16].*

Мужская дружба, скрепленная войной, имеет свою цену, которую подчас нельзя вы-

разить словами. Фронтное братство, сформированное в экстремальных условиях войны, приобретает экзистенциальный характер, нередко находящий выражение в лаконизме действия, а не в вербализации. Такой тип связи подразумевает максимальную взаимную ответственность и готовность к самопожертвованию. Эта специфика воинского товарищества ярко отражена в поэтических свидетельствах участника конфликта В. Цаплина:

*Здесь друга друг собою прикрывает,
Не слышно слов ненужных и пустых [73].*

*Как другом дорожить,
Как приходилось нам
Глоток воды делить,
Учил Афганистан [73].*

Строки двух стихотворений иллюстрируют принцип взаимовыручки и жертвенности как основу фронтных отношений. Акцент сделан на конкретном действии («прикрывает»), которое является высшим проявлением заботы о товарище. Упоминание отсутствия «ненужных и пустых слов» подчеркивает антириторичность этой среды: ценность имеют поступки, а не декларации.

Об Афганской войне, о дружбе, чувстве долга и солдатской чести пел заслуженный артист Российской Федерации А. Я. Розенбаум. Несмотря на то, что он не являлся непосредственным участником боевых действий в Афганистане, его неоднократные поездки в расположение 40-й ОА позволили оценить трагизм Афганской войны и передать его в своем творчестве. Песни А. Я. Розенбаума стали своего рода хроникой, отражающей моральные и психологические аспекты пребывания советских войск в Афганистане, а также те ценности, которые сплывали солдат вдали от Родины. А. Я. Розенбаум писал: «Я был вместе с ними в залах, если можно их назвать залами. Я был вместе с ними в броне. Я видел их очень тяжелую работу, и я их очень полюбил, потому что невозможно не полюбить людей, которые помогают друг другу в тяжелейших условиях, знают, что такое жизнь и смерть, которые очень мужественны, добры, нежны, знают, что такое человеческие отношения, что такое правда жизни» [54]. Мотивацией поэта для поездки в зону конфликта стало

осознанное желание оказать поддержку военнослужащим, оказавшимся в экстремальных условиях иноэтнической среды и ежедневно подвергавшимся смертельной опасности. Их потребность в художественном осмыслении опыта и символическом признании подвига стала ключевым импульсом для его творческой миссии. Поездки в Афганистан явились важным этапом в жизни А. Я. Розенбаума, смелость и отвага советских военных повлияли на взгляды артиста и его отношение к жизни, избавив от скепсиса и цинизма [88].

*Ах, какого дружка потерял я в бою.
Мы всю жизнь любили читать о войне.
Он не ведал никак,
Что вот выпадет мне под огнем
Его тело тащить за валун на спине [53,
с. 32].*

Этот трагический эпизод, запечатленный в лаконичных строках, обнажает диссонанс между романтизированным представлением о войне, почерпнутым из литературных источников, и суровой реальностью боевых действий. Искаженное восприятие войны, часто культивируемое посредством героических нарративов, сталкивается с жестокой военной реальностью, в которой человеческая жизнь подвергается постоянному риску, а смерть становится обыденным явлением. Данный контраст подчеркивает дегуманизирующее воздействие войны, при котором индивидуальная трагедия – потеря близкого человека – теряется в общем хаосе и страданиях.

Упоминание валуна, за которым герой пытается укрыть тело павшего товарища, приобретает символическое значение. Валун как фундаментальный элемент ландшафта олицетворяет собой попытку обрести хоть какую-то устойчивость и защиту в мире, лишенном всякой надежды. Однако сам факт необходимости прятать тело друга свидетельствует о господстве смерти и разрушения, среди которого даже после гибели человек не находит покоя.

Эти строки, будучи кратким, но емким отражением войны, переключаются с антивоенной литературой XX в., в частности, с произведениями Виктора Астафьева («Прокляты и убиты»), Василя Быкова («Сотников»), Константина Воробьева («Убиты под Москвой»),

Бориса Васильева («А зори здесь тихие...», «В списках не значился») и Виктора Некрасова («В окопах Сталинграда»), в которых дегероизация войны и акцент на индивидуальных страданиях становятся ключевыми мотивами. Подобные произведения формируют современное представление о войне, акцентируя внимание на травмирующем влиянии боевых действий на психику человека и разочаровании в прежних идеалах.

Заслуживает внимания стихотворение В. Верстакова «Прапорщик Зенин», посвященное судьбе русского солдата, рано осиротевшего, пережившего много страданий, но не очерстевшего и не озлобившегося на мир. Испытав сиротство, он смог сохранить в себе самые лучшие человеческие качества и стать для молодых бойцов «отцом», которого они пытаются заслонить собой в бою. В этом произведении прослеживается и мотив жертвенности.

Воинский долг на земле неизменен:

Будем России должны до конца.

Вы стали воином, прапорщик Зенин,

С Курской дуги не дождавшись отца.

Жить сиротою – судьба не простая,

В послевоенное время – вдвойне.

Самой голодной была на Алтае

Ваша семья не по вашей вине.

<...>

Вы это помните, прапорщик Зенин,

Не обвиняя судьбу и страну.

Воинский путь на земле неизменен:

Жизнь перейти и осилить войну.

<...>

Старше по возрасту даже комдива,

Вы ж – наш отец, боевой старшина.

Только останьтесь, пожалуйста, живы:

Это не Курск, это наша война.

<...>

Воинский долг на земле неизменен,

Друг перед другом мы только в долгу.

Да не спешите же, прапорщик Зенин –

Вас тяжело заслонять на бегу! [12].

Прапорщик Зенин, в чьей биографии отразилась трагедия целого поколения, становится символом непреклонного воинского духа, закаленного лишениями и верностью долгу. Его образ являет собой квинтэссенцию русского характера, способного преодолевать трудности. В нем воплощена память о войне,

отражающаяся в каждом его действии, решении в боевых условиях.

Подвиг Зенина – это не просто выполнение служебных обязанностей, а осознанный выбор, продиктованный чувством ответственности перед Родиной и боевыми товарищами. Прапорщик олицетворяет собой не просто исполнителя приказов, а думающего воина, способного принимать самостоятельные решения в самых сложных ситуациях, руководствуясь при этом принципами гуманизма и сострадания. Его преданность долгу, его самоотверженность и героизм становятся ярким примером для подражания и напоминают о том, что истинная мощь армии – в силе духа ее солдат.

Президент Российской Федерации в речи по случаю 80-летия победы Красной Армии на Курской дуге отметил: «Все наши бойцы сражаются смело, решительно. Преданность Родине, верность воинской присяге объединяют всех участников специальной военной операции» [50]. Вполне справедливо отметить, что эти слова относятся не только к участникам СВО – они подчеркивают связь поколений, преемственность славных традиций нашего народа.

Заключение. Проведенное исследование вносит вклад в изучение военного творчества, обладающего чертами фольклора, и авторской песни XX в. посредством концептуализации «афганской» песни как специфического феномена, синтезирующего черты устной традиции и авторского начала. Научная новизна работы заключается в разработке и применении концепции «знания-переживания» для анализа текстов, подчеркивающей их экзистенциальную насыщенность и аутентичность передаваемого опыта, выходящего за рамки простой фактографии. Предложенная концепция предусматривает рассмотрение песен и стихов в качестве ключевого механизма формирования идентичности и сплочения и индивидуального экзистенциального самоописания в условиях травматического опыта. Исследование также выявляет глубинные архетипические основания тематики и образности, связывающие творчество военнослужащих 40-й ОА с пластами русского национального сознания и воинской культуры,

и впервые систематизирует комплекс социокультурных функций данного феномена, выходящих далеко за пределы художественной выразительности.

В процессе анализа установлено, что генезис «афганской» культуры обусловлен, во-первых, необходимостью компенсации дефицита официальной информации и психологического контекста («духовной лакуны»), сделавшей ее альтернативным, доверительным каналом осмысления войны. Во-вторых, процесс создания «афганской» лирики и распространения непосредственно в зоне боевых действий позволяет квалифицировать ее как живую фольклорную традицию, формирующуюся синхронно с отраженными в ней событиями.

Творчество воинов-«афганцев» не является фактографическим способом описания военной жизни, их песни это – «самоописание», обладающие высокой степенью непосредственной достоверности и сочетающие в себе правду рациональной аутентичности и эмоциональности чувственных переживаний. Это делает стихи и песни особо правдивыми, искренними, лишеными надуманного пафоса. Следовательно, эмоции, вложенные в эти произведения, отражают суждения здравого смысла, экзистенциальную, интенциональную и сиюминутную экспрессию, инструментальные суждения и мировоззренческие оценки.

Содержательно «афганские» стихи и песни концентрируются на аксиологически значимых темах, обостряющихся войной: жизни и смерти, смысле жертвы, долге, предательстве, тоске по дому, абсурдности насилия, выступая формой глубокой экзистенциальной рефлексии. Ядро ее содержания составляет «знание-переживание» – аутентичная передача эмоционально-чувственного опыта, «правды чувства». В образах и мотивах устойчиво воспроизводятся ценностно значимые архетипы Родины (часто персонифицированной как Мать), Воина (носителя долга и жертвенности) и Жертвы, осмысляемой не только героически, но и трагически.

Главными художественными достоинствами песен следует признать их эмоциональную и смысловую аутентичность, «выстрадан-

ность» слова, позволяющие воспринимать простоту и даже «наивность» как свидетельство подлинности. Для текстов характерно соединение документальной конкретики (топонимы, реалии быта) с глубоким лиризмом и обобщением. Преобладает трагический, элегический, рефлексивный тон, героизм часто представлен через повседневный долг и жертву товарищей. При этом опора на разговорную речь усиливает эффект непосредственности.

Аксиологические характеристики поэзии воинов-«афганцев» заключаются в утверждении и передаче базовых ценностей воинского братства, долга, любви к Родине (часто в ее «малой» форме), человечности и сострадания, представленных как практикуемые нормы выживания. Кроме того, показано общее восприятие всех воинов как русских людей, находящихся вдали от Родины. Присутствовали, впрочем, и внутренние критические мотивы, отражавшие разочарование и сомнения, но обычно не перераставшие в тотальное отрицание.

Авторская песня провозглашала важность таких ценностей, как консолидация ради достижения благородных целей и равноправие людей ратного труда, создавая тем самым общее смысловое поле и формируя корпоративную идентичность «афганцев». Как мемориальный феномен она зафиксировала память о событиях и погибших, создав неофициальный «памятник» войне, имеющий важное аксиологическое значение.

Поэтическое творчество воинов-интернационалистов стало одним из ключевых ценностных индикаторов культурной памяти, формирующих эмоциональный ландшафт восприятия Афганской войны. Исследование подтверждает резистентность глубинных, доидеологических аксиологических архетипов (жертвенность, соборность, образ Родины, милосердие), ярко проявившихся в песнях вопреки контексту государственного атеизма. Наконец, песня предстает феноменом неформальной духовности, выражением переживания предельных смыслов и этических дилемм в условиях, когда официальные каналы были ограничены.

Философско-культурологическое изучение песенного и поэтического творчества

воинов-интернационалистов представляет собой перспективное направление исследований, обладающее научной ценностью в аспекте понимания сложных социокультурных процессов, происшедших в советском и постсоветском обществе во второй половине XX – начале XXI в. Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Важным представляется сравнительный анализ афганского песенного творчества с творчеством участников других локальных конфликтов, солдатским фольклором Великой Отечественной войны и «окопной поэзией» Первой мировой для выявления универсалий и специфики. Целесообразно проведение исследований в рамках устной истории, фокусирующихся на воспоминаниях ветеранов о роли конкретных песен и стихов в их опыте. Актуален анализ рецепции и трансформации памяти об «афганской» лирике в современной культуре и мемориальных практиках. Созда-

ние комплексной оцифрованной базы таких текстов и аудиозаписей имеет практическую значимость. Теоретическое развитие и апробация концепции «знания-переживания» на другом материале также представляются весьма плодотворными.

Итак, песенно-поэтическое творчество советских военнослужащих в Афганистане предстает как многогранный социокультурный и экзистенциальный феномен, являющийся одним из многочисленных отражений наследия, сохраняемого многими поколениями наших предшественников. Данное наследие – это собой комплекс исторически сложившихся духовно-нравственных представлений и практик, которые, формируясь в рамках национальной культуры, были усвоены и институционализированы в традициях русского воинства, доблестно отстаивающего и ныне суверенитет и территориальную целостность нашей страны.

Marina A. URYUPINA

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov,
Krasnodar, Russian Federation

dma101@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3333-2808>

***Lyrics of Soviet Military Personnel – Participants
in the Armed Conflict in Afghanistan (1979–1989): Axiological Dimension***

Abstract. The author analyzes the frontline lyrics of “Afghan” soldiers to determine their axiological significance, exploring the origins, essence, poetics, key archetypes, and functions of their creative works in the aspects of self-representation, memory preservation, and non-instinctive spirituality. The research utilizes findings from philosophers, cultural scholars, philologists, and historians, as well as authentic sources (published electronic collections of poetry and songs by participants of the Afghan campaign). The methodological foundation is based on semiotic, hermeneutic, and empirical methods. The study is structured around three fundamental aspects defining the researched problematics: ethical, ethnopolitical, and military-professional. The analysis of ethical dimensions revealed a complex of moral and ethical dilemmas manifested in the specific actions of military personnel, characterizing them as bearers of high moral values and worthy successors to the traditions of the Russian army. The ethnopolitical analysis uncovered a complex of ideas and values revealed through the dialectical unity of international duty and patriotic love for the Motherland. It is established that this interconnection becomes a source of psychological resilience and moral support, creating a link between personal experience and national identity. The thesis on the continuity of spiritual and moral principles as the foundation of the Soviet soldier’s patriotic consciousness is substantiated; this consciousness represents an established framework that defines an individual’s behavior and worldview in the face of geopolitical challenges. The analysis of the military-professional aspect focused on the specifics of military activi-

ty, professional training, and ethics. Key value orientations were identified: loyalty to duty, friendship, military brotherhood, professionalism, responsibility, and readiness for self-sacrifice, which influenced the motivation of military personnel, their ability to complete assigned tasks, and their resilience to traumatic factors. It is established that “Afghan folklore” is a sociocultural phenomenon that accumulated features of folk tradition and authorial self-expression. The analysis of the themes and figurative structure of the songs revealed a connection to the archetypal layers of Russian national consciousness and military culture. It is determined that emotional authenticity and stylistic simplicity are key to understanding the authenticity of the works and their ability to impact the listener. The author concludes that the texts of the “Afghan” songs reflect the connection between generations and the fundamental worldview principles that form a national identity traditionally characteristic of Russian culture.

Keywords: armed conflict in Afghanistan, Afghan War, author’s song, creative works of internationalist warriors, Viktor Verstakov, Valentin Gailin, Friedrich Bokarev.

Литература:

1. Артемов В. Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: докл. и материалы XIV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Москва, 14–16 декабря 2017 г.). Ч. 2. М.: Московский гуманитарный ун-т, 2017. С. 450–458.
2. Багичева Н. В., Чикаева Т. А. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: Архетипы Родины-матери в русском менталитете // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 34–40.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Беленький Л. П. Авторская песня в отечественной песенной культуре второй половины XX в.: дис. ... канд. культурологии. М., 2015. 195 с.
5. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 527 с.
6. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
7. Бокарев Ф. М. Переход через Амударью // Бокарев Ф. М. Боль Афгана: стихи, баллады. Алма-Ата: Эксито, 1992. С. 18–20.
8. Брейтвейт Р. Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Ширикова. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 496 с.
9. Булгаков С. Н. Моя родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 364–373.
10. Бунтов Е. В. Феномен солдатского творчества на Афганской войне. Роль военной песни // Советский Союз в Афганистане: сб. науч. ст., документов, воспоминаний и очерков междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 28 февраля 2019 г.) / под ред. С. В. Неганова. Пермь: Уральский рабочий, 2019. С. 309–314.
11. Вдовин М. Стихи особой группы крови. К 25-летию окончания вывода советских войск из Республики Афганистан. 2014 [Электронный ресурс] // Управление государственной архивной службы Новосибирской области. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/migrate/deyatelnost/Vistavki/Documents/Stihi.pdf?ysclid=lelgxeh6xi450644705 (дата обращения: 15.05.2024).

References:

1. Artemov, V.L. (2017) Patriotism i natsional'naya identichnost'. O vospitanii patriotizma [Patriotism and National Identity. On the Education of Patriotism]. In: *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: problemy vospitaniya* [Higher Education for the 21st Century: Problems of Education]. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 450–458.
2. Bagicheva, N.V. & Chikaeva, T.A. (2017) “Svitok, na kotorom otmechemy vse tayny bytiya”: Arkhetipy Rodiny-materi v russkom mentalitete [“A Scroll on Which All the Mysteries of Existence are Marked”: Archetypes of the Motherland in the Russian Mentality]. *Filologicheskii klass*. 3 (49). pp. 34–40.
3. Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. 616 p.
4. Belen'kiy, L.P. (2015) *Avtorskaya pesnya v otechestvennoy pesennoy kul'ture vtoroy poloviny XX v.* [Author's Song in the National Song Culture of the Second Half of the 20th Century]. *Culturology Cand. Diss.* Moscow. 195 p.
5. Berdyaev, N.A. (2007) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo. 527 p.
6. Berdyaev, N.A. (1990) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. In: *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of the Russian Post-October Emigration]. Moscow: Nauka. pp. 43–271.
7. Bokarev, F.M. (1992) *Perekhod cherez Amudar'yu* [Crossing the Amu Darya]. In: *Bol' Afgana: stikhi, ballady* [The Pain of Afghanistan: Poems, Ballads]. Alma-Ata: Eksito. pp. 18–20.
8. Braithwaite, R. (2013) *Afgan: russkie na voyne* [Af-gantsy: The Russians in Afghanistan]. Translated from English by A. Shirikov. Moscow: AST: CORPUS. 496 p.
9. Bulgakov, S.N. (1992) *Moya rodina* [My Motherland]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Respublika. pp. 364–373.
10. Buntov, E.V. (2019) *Fenomen soldatskogo tvorchestva na Afganskoy voyne. Rol' voennoy pesni* [The Phenomenon of Soldier's Creativity in the Afghan War. The Role of Military Song]. In: *Sovetskiy Soyuz v Afganistane* [The Soviet Union in Afghanistan]. Perm: Ural'skiy rabochiy. pp. 309–314.

12. Верстаков В. Г. Прапорщик Зенин [Электронный ресурс] // Автомат и гитара. URL: <http://avtomat2000.com/verstakov1.html> (дата обращения: 10.11.2024).
13. Верстаков В. Г. С чего начиналась «афганская» песня // На боевом посту. Газета ордена Ленина Московского округа ПВО. 1992. 7 мая (четверг). Спец. выпуск. № 77 (15321) / отв. ред. А. М. Андрианов. М.: Тип. газ. «Красный воин», 1992. 7 с.
14. Верстаков В. Г. Афганский дневник: повесть. М.: Воениздат, 1991. 397 с.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
16. Гайлин В. В. Неизданная книга [Электронный ресурс] // Автомат и гитара. URL: <http://avtomat2000.com/gailin.html> (дата обращения: 10.11.2024).
17. Гамзатовская формула: «В Дагестане я аварец, в России я дагестанец, за границей – русский» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/09/29/vot_ona_gamzatovskaya_formula_rossii_v_dagestane_ya_avarec_v_rossii_ya_dagestanec_za_granicej_russkii (дата обращения: 19.11.2024).
18. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. М. Лифшица. М.: Искусство, 1968. 311 с.
19. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3 / под ред. и с предисл. М. Лифшица. М.: Искусство, 1971. 620 с.
20. Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.
21. Гулевская Н. А. Место войны как социального явления в национальном сознании российского общества: философский анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 165–170.
22. Давидянц С. Юность наша (г. Джелалобад 24.11.82 г.) [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2015/02/05/796> (дата обращения: 05.12.2024).
23. Достоевский Ф. М. Парадоксалист // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.
24. Звонов А. В. Основные пути развития русской военной песни XIX века // Вестник адъютанта. 2020. № 2 (8). С. 14.
25. Зорькин А. А. Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979–1994 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8, № 2. С. 116–123.
26. Иванова Е. Ю., Игнатова А. И. Песни военных лет как инструмент формирования патриотизма подрастающего поколения // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87–2. С. 203–206.
27. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Т. 1: [Путь духовного обновления; Основы христианской культуры; Кризис безбожия]. М.: Русская книга, 1996. 400 с.
28. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1992. С. 313–323.
29. Кирженко Н. Ф. Стихи об Афганской войне [Электронный ресурс] // Солдаты РФ. URL: https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_afganistane/
11. Vdovin, M. (2014) Stikhi osoboy gruppy krovi. K 25-letiyu okonchaniya vyvoda sovetских voysk iz Respubliki Afganistan [Poems of a Special Blood Type. To the 25th Anniversary of the Withdrawal of Soviet Troops from the Republic of Afghanistan]. [Online] Available from: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/migrate/deyatelnost/Vistavki/Documents/Stihi.pdf?ysclid=lelgxeh6xi450644705 (Accessed: 15.05.2024).
12. Verstakov, V.G. (n.d.) *Praporshchik Zenin* [Warrant Officer Zenin]. [Online] Available from: <http://avtomat2000.com/verstakov1.html> (Accessed: 10.11.2024).
13. Verstakov, V.G. (1992) S chego nachinalas' "afganskaya" pesnya [How the "Afghan" Song Began]. *Na boevom postu*. 77 (15321). p. 7.
14. Verstakov, V.G. (1991) *Afganskiy dnevnik: povest'* [Afghan Diary: A Tale]. Moscow: Voenizdat. 397 p.
15. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress. 704 p.
16. Gaylin, V.V. (n.d.) *Neizdannaya kniga* [An Unpublished Book]. [Online] Available from: <http://avtomat2000.com/gailin.html> (Accessed: 10.11.2024).
17. Russkaya narodnaya liniya [Russian Folk Line]. (2023) *Gamzatovskaya formula: "V Dagestane ya avarets, v Rossii ya dagestanets, za granitsej – russkiy"* [Gamzatov's Formula: "In Dagestan I am an Avar, in Russia I am a Dagestani, Abroad I am Russian"]. [Online] Available from: https://ruskline.ru/news_rl/2023/09/29/vot_ona_gamzatovskaya_formula_rossii_v_dagestane_ya_avarec_v_rossii_ya_dagestanec_za_granicej_russkii (Accessed: 19.11.2024).
18. Hegel, G.W.F. (1968) *Estetika* [Aesthetics]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo. 311 p.
19. Hegel, G.W.F. (1971) *Estetika* [Aesthetics]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo. 620 p.
20. Gudkov, L.D. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative Identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, "VTsIOM-A". 816 p.
21. Gulevskaya, N.A. (2015) Mesto voyny kak sotsial'nogo yavleniya v natsional'nom soznanii rossiyskogo obshchestva: filosofskiy analiz [The Place of War as a Social Phenomenon in the National Consciousness of Russian Society: A Philosophical Analysis]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4 (35). pp. 165–170.
22. Davidyants, S. (1982) *Yunost' nasha (g. Dzhelalobad 24.11.82 g.)* [Our Youth (Dzhelalabad, 24.11.82)]. [Online] Available from: <https://stihi.ru/2015/02/05/796> (Accessed: 05.12.2024).
23. Dostoevskiy, F.M. (2005) Paradoxalist [The Paradoxalist]. In: Danilenko, I.S. (ed.) *Russkie filosofy o voyne* [Russian Philosophers on War]. Moscow; Zhukovskiy: Kuchkovo pole. 496 p.
24. Zvonov, A.V. (2020) Osnovnye puti razvitiya russkoy voennoy pesni XIX veka [The Main Ways of Development of the Russian Military Song of the 19th Century]. *Vestnik ad'yunkta*. 2 (8). p. 14.
25. Zor'kin, A.A. (2025) Vospriyatie Afganskoy voyny v stikhotvoreniyakh i pesnyakh uchastnikov sobytiy 1979–1994 gg. [The Perception of the Afghan War in the Poems and Songs of the Participants of the Events of 1979–1994]. *Istoricheskiy byulleten'*. 8 (2). pp. 116–123.

stikhi_o_vojne_v_afganistane/stikhi_ob_afganskoy_vojne_n_f_kirzhenko/106-1-0-3507 (дата обращения: 13.11.2024).

30. Колесникова Н. А. Военная песня в духовной жизни российского общества: дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 180 с.

31. Колесова И. С. Учение о соборности А. С. Хомякова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2008. Вып. 6, № 11 (112). С. 176–184.

32. Лебедева Н. А. 20-тилетию вывода советских войск из Афганистана посвящаем. Культурологический аспект творчества воинов-афганцев. Херсон: Стар, 2009. 137 с.

33. Левин А. В. Афганистан. 1984–1986 [Электронный ресурс] // Art Of War. Творчество ветеранов. URL: http://artofwar.ru/l/lewin_a_w/artelxpolnajawersija.shtml (дата обращения: 11.06.2024).

34. Липатов В. А. «Афганская» песня в самодеятельной и профессиональной музыкальной культуре // Фольклор Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 11: Устная и рукописная традиции. С. 38–56.

35. Липатов В. А. Солдат и песня: 300 лет вместе [монография] // Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. 156 с.

36. Липатов В. А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 105–112.

37. Липатов В. А. Фольклор и новейшая военная история (о песнетворчестве бойцов спецотрядов 40-й армии «Зенит» и «Каскад») // Органы государственной безопасности на защите Отечества: XI Уральские военно-исторические чтения, посвящ. 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2018. С. 136–140.

38. Лосев А. Ф. Родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с. С. 420–428.

39. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 151 с.

40. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 544 с.

41. Луконин А. В. Роль военной песни в воспитании военнослужащих российской армии // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2 (19). С. 15–20.

42. Морозова В. Н. Афганский излом: по материалам песен Афганской войны 1979–1989 гг. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 2 (4). С. 21–29.

43. Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен 162 песни и 18 стихотворений Урал. и др. казачьих войск / собр. и изд. Н. Г. Мякушин. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. XVIII, 289 с.

44. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://>

26. Ivanova, E.Yu. & Ignatova, A.I. (2025) Pesni voennykh let kak instrument formirovaniya patriotizma podrastayushchego pokoleniya [Songs of the War Years as a Tool for Forming the Patriotism of the Younger Generation]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 87–2. pp. 203–206.

27. Il'in, I.A. (1996) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Vol. 1. Moscow: Russkaya kniga. 400 p.

28. Karsavin, L.P. (1992) Vostok, Zapad i russkaya ideya [East, West and the Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Nauka. pp. 313–323.

29. Kirzhenko, N.F. (n.d.) *Stikhi ob Afganskoy vojne* [Poems about the Afghan War]. [Online] Available from: https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_afganistane/stikhi_o_vojne_v_afganistane/stikhi_ob_afganskoy_vojne_n_f_kirzhenko/106-1-0-3507 (Accessed: 13.11.2024).

30. Kolesnikova, N.A. (2002) *Voennaya pesnya v dukhovnoy zhizni rossiyskogo obshchestva* [Military Song in the Spiritual Life of Russian Society]. *Culturology Cand. Diss.* Moscow. 180 p.

31. Kolesova, I.S. (2008) Uchenie o sobornosti A.S. Khomyakova [The Doctrine of Sobornost by A.S. Khomyakova]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 6, 11 (112). pp. 176–184.

32. Lebedeva, N.A. (2009) *20-tiletiyu vyvoda sovetskikh voysk iz Afganistana posvyashchaem. Kul'turologicheskiy aspekt tvorchestva voinov-afgantsev* [Dedicated to the 20th Anniversary of the Withdrawal of Soviet Troops from Afghanistan. Culturological Aspect of the Creativity of Afghan Veterans]. Kherson: Star. 137 p.

33. Levin, A.V. (n.d.) *Afganistan. 1984–1986* [Afghanistan. 1984–1986]. [Online] Available from: http://artofwar.ru/l/lewin_a_w/artelxpolnajawersija.shtml (Accessed: 11.06.2024).

34. Lipatov, V.A. (2000) "Afganskaya" pesnya v samodeyatel'noy i professional'noy muzykal'noy kul'ture [The "Afghan" Song in Amateur and Professional Musical Culture]. In: *Fol'klor Urala* [Ural Folklore]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 38–56.

35. Lipatov, V.A. (2006) *Soldat i pesnya: 300 let vmeste* [Soldier and Song: 300 Years Together]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. 156 p.

36. Lipatov, V.A. (2009) Soldatskie pesni o lokal'nykh voynakh i konfliktakh vtoroy poloviny XX v [Soldiers' Songs about Local Wars and Conflicts of the Second Half of the 20th Century]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (24). pp. 105–112.

37. Lipatov, V.A. (2018) Fol'klor i noveyshaya voennaya istoriya (o pesnetvorchestve boytsov spetsotryadov 40-y armii "Zenit" i "Kaskad") [Folklore and the Newest Military History (On the Songwriting of the Fighters of the Special Units "Zenit" and "Kaskad" of the 40th Army)]. In: *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite Otechestva* [State Security Agencies in Defense of the Fatherland]. Yekaterinburg: Sokrat. pp. 136–140.

38. Losev, A.F. (1992) Rodina [Motherland]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Respublika. pp. 420–428.

39. Losskiy, N.O. (1957) *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian People]. Frankfurt am Main: Posev. 151 p.

www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 20.01.2025).

45. Орлов И. Б. Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал // Государственная идеология и современная Россия: материалы всерос. науч.-обществ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Наука и политика, 2014. С. 107–114.

46. Осипов Н. Н. Тема Афганской войны в повестях Анатолия Хмыта // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. ст. регион. науч.-практ. видеоконф. «Чувашская литература периода Великой Отечественной войны» (Чебоксары, 11 мая 2020 г.). Вып. 11. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. С. 183–191.

47. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

48. Поляков О. Ю. Полякова О. А. Афганская война как геополитическая проблема в изображении современных отечественных и зарубежных писателей // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 7. С. 65–69.

49. Пономарева Т. А. Песенный фольклор «афганской» войны // Семантика народной культуры в литературе: материалы межвуз. междисциплин. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 21–22 октября 2021 г.). М.: Московский пед. гос. ун-т, 2022. С. 216–229.

50. Празднование 80-летия победы в Курской битве 23 августа 2023 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72094> (дата обращения: 11.11.2024).

51. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 624 с.

52. Роббе К. Светлана Бойм. Будущее ностальгии: [рецензия] // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 258–264.

53. Розенбаум А. Я. В горах Афгани // Аврора. 1988. № 10. С. 32.

54. Розенбаум А. Я. Дорога длиною в жизнь. 1987 [Электронный ресурс] // Александр Розенбаум: офиц. сайт. URL: <https://rozenbaum.ru/discography/dorogadlinoyu-v-zhizn-2.html> (дата обращения: 12.12.2024).

55. Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.

56. Святейший Патриарх Кирилл. Исторически роль русского народа совершенно особая // Русский вестник. 2012. № 26. С. 3.

57. Святые отцы о делах милосердия [Электронный ресурс] // Милосердие-ДВ. URL: <https://miloserdiedv.ru/svyatye-ottsy-o-dobrovolnoj-pomoshhi-blizhnemu/> (дата обращения: 20.11.2024).

58. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 382 с.

59. Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. 587 с.

60. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. М.: Кучково Поле, 2005. 495 с. С. 58–247.

40. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt". 544 p.

41. Lukonin, A.V. (2025) Rol' voennoy pesni v vospitanii voennosluzhashchikh rossiyskoy armii [The Role of Military Song in the Education of Servicemen of the Russian Army]. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2 (19). pp. 15–20.

42. Morozova, V.N. (2014) Afganskoy voyny 1979–1989 gg. [The Afghan Fracture: Based on the Materials of the Songs of the Afghan War of 1979–1989]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2 (4). pp. 21–29.

43. Myakushin, N.G. (1890) *Sbornik ural'skikh kazach'ikh pesen 162 pesni i 18 stikhotvoreniy Ural. i dr. kazach'ikh voysk* [Collection of Ural Cossack Songs 162 Songs and 18 Poems of the Ural and Other Cossack Troops]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. XVIII, 289 p.

44. Kremlin.ru. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed: 20.01.2025). (In Russian).

45. Orlov, I.B. (2014) Patriotizm v istorii Rossii: gosudarstvennaya ideologiya i tsennostnyy potentsial [Patriotism in the History of Russia: State Ideology and Value Potential]. In: *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya* [State Ideology and Modern Russia]. Moscow: Nauka i politika. pp. 107–114.

46. Osipov, N.N. (2020) Tema Afganskoy voyny v povestyakh Anatoliya Khmyta [The Theme of the Afghan War in the Stories of Anatoly Khmyta]. In: *Natsional'nye yazyki i literatury v polikul'turnykh usloviyakh* [National Languages and Literatures in Multicultural Conditions]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 183–191.

47. Peirce, Ch.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Translated from English. Moscow: Logos. 448 p.

48. Polyakov, O.Yu. & Polyakova, O.A. (2016) Afganskaya voyna kak geopoliticheskaya problema v izobrazhenii sovremennykh otechestvennykh i zarubezhnykh pisateley [The Afghan War as a Geopolitical Problem in the Depiction of Modern Domestic and Foreign Writers]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 65–69.

49. Ponomareva, T.A. (2022) Pesenny fol'klor "afganskoy" voyny [Song Folklore of the "Afghan" War]. In: *Semantika narodnoy kul'tury v literature* [Semantics of Folk Culture in Literature]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 216–229.

50. Kremlin.ru. (2023) *Celebration of the 80th Anniversary of the Victory in the Battle of Kursk on August 23, 2023*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72094> (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).

51. Ricoeur, P. (2002) *Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole. 624 p.

61. Стрелецкий Я. И., Сидоренко Н. С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50). С. 16–20.
62. Сухарев Д. Авторская песня: антология. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 1024 с.
63. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 466–476.
64. Ткаченко П. И. Афганистан болит в моей душе... : воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия, 1990. 254 с.
65. Ткаченко П. И. Когда поют солдаты: современное самодетальное песенное творчество советских воинов, выполняющих интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия, 1987. 175 с.
66. Ткаченко П. И. Письма из Афгана. М.: Профиздат, 1991. 256 с.
67. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Типография И. Лисперь и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова. 1886. Т. 1. 1157 с.
68. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. 361 с.
69. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.
70. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. Киев: Ника-Центр, 2011. 576 с.
71. Хмелевский С. В. Национальная военная музыка России как фактор патриотического воспитания // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 143–150.
72. Хомутова Е. Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века: дис.... канд. культурологии. Нижневартовск, 2002. 137 с.
73. Цаплин В. А. Афганская тетрадь: сб. стихов. Июнь 1985 – апрель 1987 гг. [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2012/09/25/1572> (дата обращения: 11.11.2024).
74. Цеханская К. В. Религиозные архетипы жертвенности в цивилизованном самоопределении русских // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 11, Ч. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 601–605.
75. Чикаева Т. А. «Отечество» как философская категория // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, № 2. С. 105–111.
76. Чикаева Т. А. Родина и Отечество. Функции Отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V междунар. науч. конф. (Москва, 23 апреля 2021 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2021. С. 46–52.
77. Чикаева Т. А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 1. С. 90–99.
78. Чикаева Т. А. Родина. Отечество. Государство // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, 19 апреля 2019 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2019. С. 43–50.
52. Robbe, K. (2020) Svetlana Boym. The future of nostalgia: [book review]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 2. pp. 258–264.
53. Rozenbaum, A.Ya. (1988) V gorakh Afgani [In the Mountains of Afghanistan]. *Avrora*. 10. p. 32.
54. Rozenbaum, A.Ya. (1987) Doroga dlinuju v zhizn' [A Lifelong Road]. *Aleksandr Rozenbaum: ofits. sayt* [Online] Available from: <https://rozenbaum.ru/discography/doroga-dlinoyu-v-zhizn-2.html> (Accessed: 12.12.2024).
55. Ryabov, O.V. (2001) *Matushka-Rus': Opyt gender'nogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii* [Mother-Rus': An Experience of Gender Analysis of the Search for Russia's National Identity in Domestic and Western Historiosophy]. Moscow: Ladomir. 202 p.
56. Svyateyskiy Patriarkh Kirill. (2012) Istoricheski rol' russkogo naroda sovershenno osobaya [The Historical Role of the Russian People is Completely Special]. *Russkiy vestnik*. 26. p. 3.
57. Miloserdie-DV. (n.d.) Svyatyte ottsy o delakh miloserdia [Holy Fathers on Works of Mercy]. [Online] Available from: <https://miloserdiedv.ru/svyatyte-ottsy-o-dobrovolnoj-pomoshhi-blizhnemu/> (Accessed: 20.11.2024).
58. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 382 p.
59. Solov'ev, V.S. (1914) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Vol. 5. 2nd ed. St. Petersburg: Prosveshchenie. 587 p.
60. Solov'ev, V.S. (2005) Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three Conversations about War, Progress and the End of World History]. In: Danilenko, I.S. (ed.) *Russkie filosofiy o voyne* [Russian Philosophers on War]. Moscow: Kuchkovo Pole. pp. 58–247.
61. Streeletskiy, Ya.I. & Sidorenko, N.S. (2018) Fenomen rossiyskogo patriotizma: sotsial'no-filosofskiy analiz [The Phenomenon of Russian Patriotism: Socio-Philosophical Analysis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 6 (50). pp. 16–20.
62. Sukharev, D. (2004) *Avtorskaya pesnya: antologiya* [Author's Song: An Anthology]. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 1024 p.
63. Teliya, V.N. (1999) Refleksy arkhетипov soznaniya v kul'turnom kontsepte "rodina" [Reflexes of Archetypes of Consciousness in the Cultural Concept "Rodina"]. In: *Slavyanskije etyudy: sb. k yubileyu S.M. Tolstoy* [Slavic Studies: Collection for the Anniversary of S.M. Tolstaya]. Moscow: Indrik. pp. 466–476.
64. Tkachenko, P.I. (1990) *Afganistan bolit v moyey dushe... : vospominaniya, dnevniki sovetskikh voinov, vpolnyavshikh internatsional'nyy dolg v Afganistane* [Afghanistan Hurts in My Soul...: Memoirs, Diaries of Soviet Soldiers Who Fulfilled Their International Duty in Afghanistan]. Moscow: Molodaya gvardiya. 254 p.
65. Tkachenko, P.I. (1987) *Kogda poyut soldaty: sovremennoe samodeyatel'noe pesennoe tvorchestvo sovetskikh voinov, vpolnyayushchikh internatsional'nyy dolg v Afganistane* [When Soldiers Sing: Contemporary Amateur Songwriting of Soviet Soldiers Fulfilling Their International Duty in Afghanistan]. Moscow: Molodaya gvardiya. 175 p.

79. Чикаева Т. А. Русское и западное понимание того, что есть Родина // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2023. № 33. С. 38–41.
80. Чикаева Т. А. Философское понимание Отечества: монография. М.: МХПИ, 2022. 124 с.
81. Чикаева Т. А. Осмысление русской культурной идентичности как путь сохранения и развития русской нации: монография. М.: ИЭАУ, 2009. 156 с.
82. Чупраков К. С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего современной Российской армии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 173 с.
83. Шапошников Л. Е. Реализация принципа сорбности в деятельности современной русской православной церкви // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 2. С. 68–77.
84. Юнг К. Г. Психология бессознательного / пер. с англ. 2-е изд. М.: КогитоЦентр, 2010. 352 с.
85. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 343 с.
86. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2019. 496 с.
87. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2020. 336 с.
88. Юферев С. Александр Розенбаум в Афганистане [Электронный ресурс] // Военное обозрение. История. (04.02.2014). URL: <https://topwar.ru/39291-aleksandr-rozenbaum-v-afganistane.html> (дата обращения: 10.12.2024).
89. Boym S. The future of nostalgia. N. Y.: Basic Books, 2001. 452 p.
66. Tkachenko, P.I. (1991) *Pis'ma iz Afgana* [Letters from Afghanistan]. Moscow: Profizdat. 256 p.
67. Tolstoy, L.N. (1886) *Voyna i mir* [War and Peace]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya I. Lissper i Yu. Roman. 1157 p.
68. Fedotov, G.P. (1992) *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: in 2 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya. 361 p.
69. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Moscow: Institut Russkoy tsivilizatsii. 848 p.
70. Thomas Aquinas. (2011) *Summa teologii. Chast' II-II. Voprosy 1-46* [Summa Theologiae. Part II-II. Questions 1-46]. Kiev: Nika-Tsentr. 576 p.
71. Khmelevskiy, S.V. (2020) Natsional'naya voennaya muzyka Rossii kak faktor patrioticheskogo vospitaniya [National Military Music of Russia as a Factor of Patriotic Education]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 10 (1). pp. 143–150.
72. Khomutova, E.N. (2002) *Fenomen avtorskoy pesni v otechestvennoy kul'ture serediny XX veka* [The Phenomenon of the Author's Song in the National Culture of the Mid-20th Century]. Culturology Cand. Diss. Nizhnevartovsk. 137 p.
73. Tsaplin, V.A. (n.d.) *Afganskaya tetrad': sb. stikhov. Iyun' 1985 – aprel' 1987 gg.* [Afghan Notebook: Collection of Poems. June 1985 – April 1987]. *Proza.ru* [Online] Available from: <https://proza.ru/2012/09/25/1572> (Accessed: 11.11.2024).
74. Tsekanskaya, K.V. (2016) Religioznye arkhetypy zhertvennosti v tsivilizovannom samoopredelenii russkikh [Religious Archetypes of Sacrifice in the Civilized Self-Determination of Russians]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Development Prospects]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. pp. 601–605.
75. Chikaeva, T.A. (2018) "Otechestvo" kak filosofskaya kategoriya ["Fatherland" as a Philosophical Category]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 23 (2). pp. 105–111.
76. Chikaeva, T.A. (2021) Rodina i Otechestvo. Funktsii Otechestva [Motherland and Fatherland. Functions of the Fatherland]. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya* [The Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization]. Moscow: Moscow Khudozhestvenno-promyshlennyy institut. pp. 46–52.
77. Chikaeva, T.A. (2017) Rodina ili Otechestvo: razgranichenie ponyatij [Rodina or Otechestvo: Differentiation of Concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 90–99.
78. Chikaeva, T.A. (2019) Rodina. Otechestvo. Gosudarstvo [Rodina. Otechestvo. State]. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya* [The Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization]. Moscow: Moscow Khudozhestvenno-promyshlennyy institut. pp. 43–50.
79. Chikaeva, T.A. (2023) Russkoe i zapadnoe ponimanie togo, chto est' Rodina [Russian and Western Understanding of What the Motherland Is]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 33. pp. 38–41.
80. Chikaeva, T.A. (2022) *Filozofskoe ponimanie Otechestva* [Philosophical Understanding of the Fatherland]. Moscow: MKhPI. 124 p.
81. Chikaeva, T.A. (2009) *Osmyslenie russkoy kul'turnoy identichnosti kak put' sokhraneniya i razvitiya russkoy natsii* [Comprehension of Russian Cultural Identity as a Way

of Preserving and Developing the Russian Nation]. Moscow: IEAU. 156 p.

82. Chuprakov, K.S. (2023) *Voennaya muzyka kak faktor formirovaniya dukhovnogo mira voennosluzhashchego sovremennoy Rossiyskoy armii* [Military Music as a Factor in the Formation of the Spiritual World of a Serviceman of the Modern Russian Army]. Philosophy Cand. Diss. Moscow. 173 p.

83. Shaposhnikov, L.E. (2015) Realizatsiya printsiipa sobornosti v deyatelnosti sovremennoy russkoy pravoslavnoy tserkvi [The Realization of the Principle of Sobornost in the Activities of the Modern Russian Orthodox Church]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 16 (2). pp. 68–77.

84. Jung, C.G. (2010) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr. 352 p.

85. Jung, C.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Translated from English. Moscow: Renessans. 343 p.

86. Jung, C.G. (2019) *Arkhetipy i kollektivnoe bes-soznatel'noe* [The Archetype and the Collective Unconscious]. Translated from English. Moscow: AST. 496 p.

87. Jung, C.G. (2020) *Problemy dushi nashego vremeni* [The Problems of the Soul of Our Time]. Translated from English. St. Petersburg: Piter. 336 p.

88. Yuferev, S. (2014) *Aleksandr Rozenbaum v Afganistane* [Alexander Rosenbaum in Afghanistan]. [Online] Available from: <https://topwar.ru/39291-aleksandr-rozenbaum-v-afganistane.html> (Accessed: 10.12.2024).

89. Boym, S. (2001) *The future of nostalgia*. New York: Basic Books. 452 p.

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Урюпина М. А. Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение // *Наследие веков*. 2025. № 2. С. 13–41. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.001.

For citation:

Uryupina, M.A. (2025) Lyrics of Soviet Military Personnel - Participants in the Armed Conflict in Afghanistan (1979-1989): Axiological Dimension. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 13–41. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.001

Поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.04.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 12.05.2025

Опубликована / Published 30.06.2025